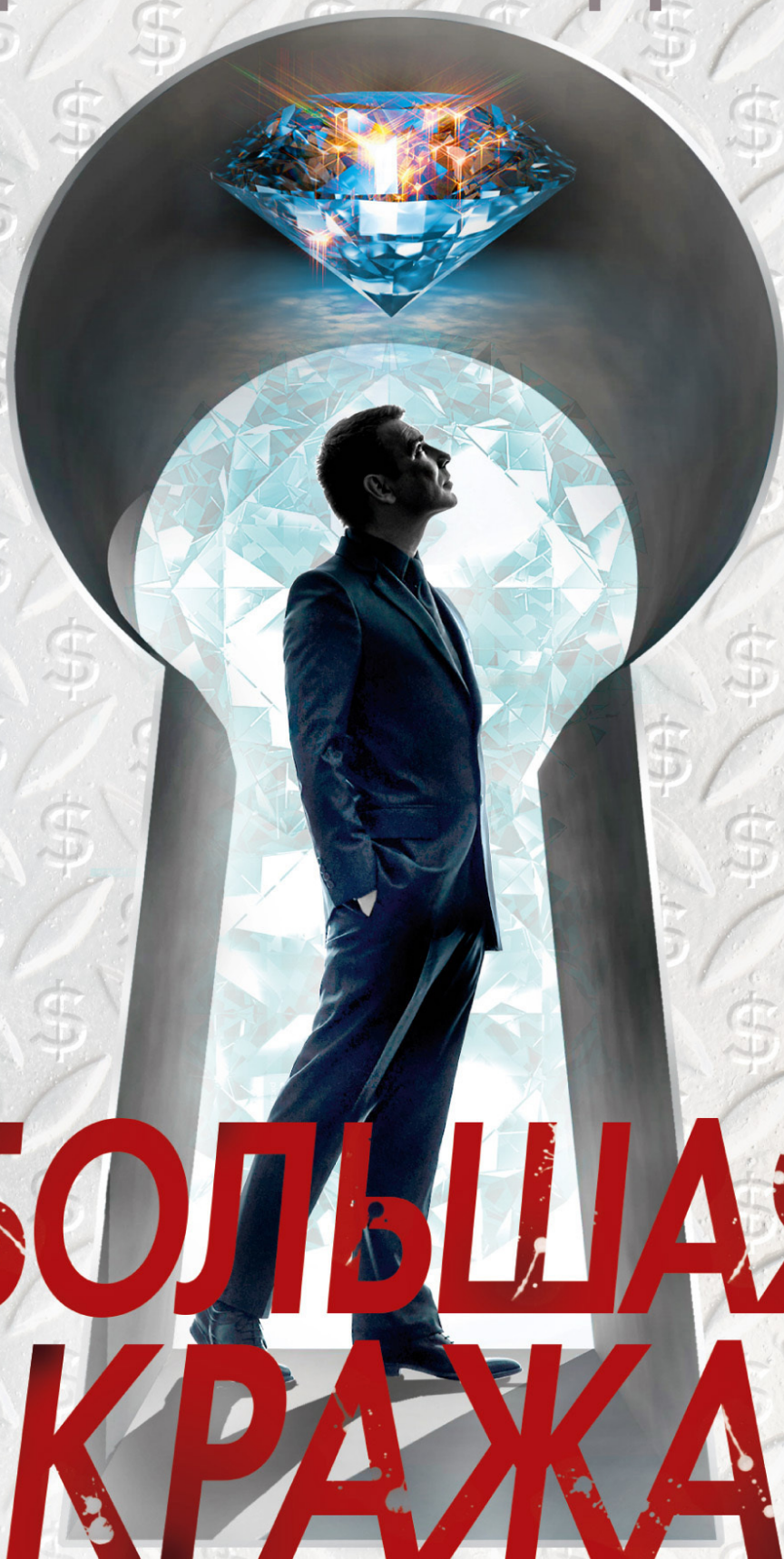

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖЕФФ ЛИНДСЕЙ

БОЛЬШАЯ КРАЖА

ОТ АВТОРА НЕВЕРОЯТНО УСПЕШНОЙ СЕРИИ «ДЕКСТЕР»!

Звезды мирового детектива

Джефф Линдсей

Большая кража

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Линдсей Д.

Большая кража / Д. Линдсей — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-21646-4

Райли Вулф – вор, для которого не существует преград, мастер перевоплощений. Любитель решать сверхзадачи и проворачивать смелые ограбления. Так, например, ему удалось украсть памятник весом двенадцать тонн прямо во время открытия. Голубая мечта Райли – совершить кражу века, которая войдет в историю. Узнав, что в Нью-Йорк прибывает коллекция драгоценностей короны Ирана стоимостью десятки миллиардов долларов, он понимает, что настал его звездный час. Райли привлекают, собственно, не деньги, а нереальность поставленной цели: необходимость обойти суперсовременную электронную охрану и хорошо вооруженных спецназовцев и при этом остаться в живых, не говоря уже о том, чтобы украсть хотя бы один бриллиант из коллекции. С помощью Моник, талантливой художницы, занимающейся подделками произведений искусства, Райли начинает готовиться к ограблению, которое или сделает его легендой, или, что более вероятно, приведет к гибели... Автор супербестселлеров о Декстере, изданных более чем на 40 языках, начинает новую серию о Райли Вулфе, воре экстра-класса. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21646-4

© Линдсей Д., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джефф Линдсей

Большая кража

*Посвящается Гасу. Он указал мне путь и дождался, пока я найду
его.*

А также Хилари, без которой не стоит и искать.

Jeff Lindsay
JUST WATCH ME

Copyright © 2019 by Jeff Lindsay

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary
Agency

© И. В. Иванченко, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Предполагалось, что весна уже наступила. Но этого не чувствовалось. Во всяком случае, если стоять на новехонькой Нессельроде-плаза. На открытом пространстве площади задувал сильный, пронизывающий ветер. Но никто не удивлялся. Ведь это Чикаго, Город ветров. Не было смысла удивляться, раз уж название ему подходило.

Но ветер действительно был холодным. Сама площадь находилась на расстоянии в пол-квартала от озера, так что ветер дул прямо из Канады и по пути от Северного полярного круга над озером Мичиган успевал потерять тепло и набраться силы.

Большинство людей, чтобы укрыться от ветра, вжали бы голову в плечи и поспешили бы скорее пересечь обширное открытое пространство. У небольшой толпы, собравшейся здесь на арктическом утреннем воздухе, такой возможности не было. Поэтому люди сгрудились вокруг пьедестала гигантского памятника, стоявшего в центре площади. Совершенно новый монумент, пока затянутый покрывалом, ожидал торжественного открытия. И стоящие здесь люди, притопывая ногами и съезжившись под ветром, всем сердцем желали, чтобы памятник наконец открыли и они смогли бы отправиться в теплое место.

Разумеется, лишь немногие пришли сюда по собственной воле. В основном это были репортеры и общественные деятели, которым и надлежало здесь быть. Предполагалось, что новая Нессельроде-плаза станет краеугольным камнем для оживления этого прибрежного района. Присутствовала красивая женщина пятидесяти с лишним лет, член конгресса США. Рядом с ней стояли седой афроамериканец, сенатор штата, и пожилой мужчина, так укутанный от холода, что его трудно было узнать, но это был известный федеральный судья. Был там и высокий мужчина сурового вида с аккуратной бородкой, не скрывавшей большого шрама на щеке, одетый в форму адмирала Береговой охраны.

И конечно, там находился Артур Нессельроде, миллиардер, пожертвовавший деньги на памятник и давший площади ее название. Следовательно, здесь присутствовал и мэр, который должен произнести соответствующую случаю речь. И эта речь преисполнит Артура Нессельроде сознанием собственной значимости и подстегнет в нем желание и в будущем продолжать выписывать чеки на крупные суммы. А это означало, что речь будет длинной.

По периметру маленькой дрожащей толпы перемещались двое вооруженных охранников, нанятых потому, что дорогостоящая статуя была выполнена по проекту знаменитого современного скульптора. Ходили слухи, что статую хочет заполучить некий владелец фармацевтической компании, и мэр всерьез воспринимал эти слухи.

В отличие от охранников.

– Никто не сопрет эту хреновину, – заметил Денни Керколди своему напарнику Биллу Гриру, указывая на основание памятника. – Взгляни, его удерживают двенадцать болтов толщиной с мою руку, и весит он, наверное, тонн десять.

– Двенадцать с половиной, – отозвался Грир, и Керколди с удивлением взглянул на него, а Грир дернул плечами. – Это было в газете.

– Ну ладно, двенадцать с половиной тонн. *Тонн*, верно? Кто может украсть штуковину, которая весит двенадцать с половиной тонн? Это чертовски глупо!

Грир покачал головой:

– Нам платят, пусть это и глупо.

– Нам должны доплачивать за глупость, – заметил Керколди, – когда так адски холодно.

– Не так уж и холодно, – пожал плечами Грир.

Но на самом деле было холодно, и от влажного ветра с озера становилось еще холоднее. По мере того как речь мэра лилась и лилась, люди, вынужденные выслушивать похвалы, которыми он осыпал Артура Нессельроде, коченели все больше. Те, кто знал Нессельроде или слы-

шал о нем, прекрасно понимали, что он не слишком-то достоин похвалы. Он сделал свои миллиарды как владелец и генеральный директор «Нессельроде фармасьютиклс». Его компания владела патентами на целый ряд важных лекарств, самым значительным из которых являлся занаген, наиболее эффективный препарат генной терапии для лечения ряда сложных и прежде летальных форм рака.

Занаген был действительно чудодейственным препаратом, и мэр уделил ему в своей речи большое внимание. Но, будучи политиком, мэр весьма мудро опустил тот факт, что Артур Нессельроде установил цену на это чудесное лекарство в размере полумиллиона долларов за дозу. Никакая критика в прессе, призывы врачей или даже неодобрение конгресса США не смогли поколебать его решимость удержать эту фантастически взвинченную цену.

Нессельроде стал миллиардером не благодаря доброте и милосердию. Любой, имевший несчастье встретиться с ним, мог бы с готовностью признать, что это неприятный человек. Некоторые даже видели в нем социопата, которому неведомы чувства вины или стыда. Однако Нессельроде понимал, что общественное мнение может влиять на стоимость акций. И сегодня он пришел сюда, чтобы укрепить свой имидж, подарив городу Чикаго громадную стальную статую стоимостью пятьдесят миллионов долларов и вложив еще несколько миллионов в обустройство площади, носящей его имя.

Нессельроде давно перестал считать деньги. Он мог бы тратить такую сумму ежедневно в течение месяца, и все равно осталось бы несколько миллиардов. И как большинство чрезвычайно богатых людей, Артур Нессельроде считал себя застрахованным от обычных «пращей и стрел» жизни. Однако богатство не могло в данный момент защитить его от холода. Нессельроде замерз, и это ему не нравилось. Но в конце концов, мэр нахваливал его, и смешно было бы прерывать говорившего.

– Господи, взгляни туда! – Керколди указал на небо над озером, где кружил огромный вертолет. – Какая громадина!

Грир поднял взгляд.

– «Чинук», – определил он, и напарник уставился на него. – Я обслуживал их в Корпусе морской пехоты, – объяснил Грир. – Они поднимают семнадцать тонн. Плюс экипаж.

– Надеюсь, этот монстр сюда не полетит, у нас тут хватает ветра, – сказал Керколди, и охранники возобновили обход памятника.

А мэр продолжал свою речь. Он говорил уже больше десяти минут и, похоже, не собирався закругляться. Артур Нессельроде в седьмой раз глянул на часы. Даже похвалы в свой адрес начали его утомлять. Ему сказали, что церемония будет краткой: небольшая речь, после чего мэр вручит ему электронный блок с тумблером. Затем Нессельроде скажет несколько ответных слов, щелкнет тумблером – и покрывало соскользнет с памятника, у пьедестала забьет фонтан, и все смогут вернуться к себе на работу. Нессельроде хотел вернуться к работе. В настоящее время он работал над враждебным поглощением одной французской компании, достигшей многообещающих результатов в разработке нового синтетического инсулина.

И черт побери, было действительно холодно! Нессельроде был одет не по погоде, и ему это не нравилось. Он не привык испытывать дискомфорт даже из-за погоды. И потому, когда хвалебная речь мэра, которую даже сам миллиардер считал полной чушью, перевалила за пятнадцать минут, он решил действовать.

Когда мэр сделал паузу, чтобы перевести дух, Нессельроде вышел вперед. С уверенностью, присущей лишь миллиардерам, он положил руку на плечо мэра и немного отодвинул того в сторону. Взяв микрофон, он произнес с широкой, невероятно фальшивой улыбкой:

– Благодарю вас, господин мэр, вы так любезны. И от имени «Нессельроде фармасьютиклс», этого настоящего дома чудес, я хотел бы сказать вам и жителям Чикаго, что для меня большая честь и привилегия иметь возможность подарить вам это замечательное произведение

искусства. Итак, – он поднял с пьедестала большой электронный блок, – сим я торжественно открываю... Нессельроде-плаза!

Он поднял коробку высоко над головой и щелкнул тумблером.

В тот же момент произошло несколько впечатляющих событий.

Из электронного блока вырвалась яркая вспышка голубого света, сопровождаемая оглушительным треском, и Артур Нессельроде рухнул на землю и остался лежать без движения у пьедестала. От его почерневших ладоней поднимался дымок. Вслед за этим вокруг основания статуи немедленно последовали один за другим двенадцать резких быстрых взрывов. И пока люди недоуменно мигали, вперед выступил адмирал Береговой охраны, выкрикивая команды:

– Расступитесь! Освободите для него место!

Он опустился на колени рядом с Артуром Нессельроде.

– Господи, что случилось? – спросил мэр, тоже вставший на колени.

– Электрошок. От электронного блока, – ответил адмирал, нащупывая пульс пострадавшего. – Этому человеку нужна срочная медицинская помощь! – Достав из кармана рацию, он быстро заговорил в нее. Потом, вновь переключив внимание на Нессельроде, принялся делать ему искусственное дыхание. – Ладно, сейчас к берегу подлетает мой вертолет, – сообщил он мэру. – Мы доставим его по воздуху в больницу.

– Угу, – поддакнул мэр. – Вы не думаете, мы могли бы...

– Перестаньте! – огрызнулся адмирал, с силой надавливая на грудь Нессельроде. – Мне нужно, чтобы вы засекли время! Начинайте считать!

И мэр, видевший демонстрацию сердечно-легочной реанимации по телевизору, взглянул на часы и принялся громко считать.

– Что произошло, черт подери?! – возмущенно спросил Керколди. – Что это были за взрывы?

Грир покачал головой:

– Вокруг основания статуи.

Охранники поспешили туда, и Грир встал на колени, чтобы рассмотреть одно место, которое продолжало дымиться после серии взрывов.

– Болт здесь срезан, – сказал он. – Все болты!

– Черт! – не удержался Керколди. – Эта штуковина может рухнуть и придавить кого-нибудь! – Нахмурившись, он взглянул на напарника. – Зачем кому-то понадобилось...

Грир поднялся:

– Террористы. Надо бы доложить мэру.

Керколди кивнул:

– Ты сообщи ему, а я отодвину толпу.

У подножия статуи адмирал Береговой охраны продолжал давить на грудь Нессельроде, а мэр в это время считал.

– Появился пульс, – сообщил адмирал и поднял взгляд. – А вот и мой вертолет.

Он встал и помахал вертолету.

Создавая мощное завихрение воздуха, над памятником завис «Чинук», из которого спустились спасательную люльку.

– Разойтись! – завопил адмирал. – Господин мэр, вы должны удалить всех этих людей.

Кивнув, мэр стал настойчиво оттеснять собравшихся подальше от пьедестала. Он остался последним на ступенях и, повернувшись, успел увидеть, как Нессельроде в спасательной люльке поднимают в воздух...

...а второй толстый стальной трос с большим металлическим крюком на конце, разматываясь, опускается вниз, прямо в принимающие руки адмирала. Нахмурившись, мэр задержался на верхней ступеньке. Какого черта?!

Замешательство мэра усилилось еще больше, когда адмирал схватил этот трос, подошел к передней части пьедестала, а потом метнулся к статуе. Но смущение мэра переросло в тревогу, когда адмирал, взгромоздившись на статую, несколько раз обмотал ее тросом, зацепил крюком за трос и, проворно взобравшись наверх, исчез в боковой двери вертолета.

– Господи Иисусе! – проронил ошарашенный мэр. Стоя в оцепенении, он смотрел, как мощный «Чинук» поднимается в небо, увлекая за собой статую. Рядом с мэром возник один из охранников и стал целиться в вертолет из пистолета, но мэр хлопнул его по руке. – Там мистер Нессельроде!

Охранник опустил оружие.

Они стояли, наблюдая, как вертолет все дальше удаляется от берега, а под ним болтается новехонькая статуя стоимостью пятьдесят миллионов долларов.

А в вертолете летит Артур Нессельроде, генеральный директор биг фармы¹.

Артур Нессельроде медленно приходил в себя, не имея понятия, где находится и что вообще происходит. Все тело у него болело, но особенно грудь. Было такое ощущение, что его избили. Под собой он чувствовал твердую и холодную поверхность, сотрясающуюся от вибраций, исходящих от какого-то мощного двигателя.

Ценой невероятных усилий ему в конце концов удалось открыть глаза. Над ним склонилось лицо незнакомого мужчины. Нессельроде нахмурился, пытаясь сфокусироваться. На мужчине была военная форма – адмирал, стоявший за спиной мэра? Но в этом не было никакого смысла...

– Вы на борту вертолета, – сказал адмирал и, протянув руку, отодвинул дверь. Моментально их обдало струей ледяного воздуха. – Видите?

Стало страшно некомфортно, но Нессельроде немного ожил. Заморгав, он облизнул губы.

– Спасательная люлька... – с трудом проскрежетал он.

Адмирал улыбнулся, но его улыбка не обнадеживала.

– Не совсем.

Нессельроде покачал головой. Голова болела.

– Тогда... зачем?

– Страховка, – ответил адмирал. – Чтобы в меня не стреляли.

Нессельроде снова закрыл глаза. В этом нет никакого смысла. Только если...

Он опять открыл глаза.

– Скажите-ка еще раз, сколько вы берете за одну дозу занегена? – спросил адмирал.

– Это... – прокаркал Нессельроде и нахмурился. – Вы... вы не...

– Угадали! – подхватил мужчина. – На самом деле я не адмирал!

Нессельроде попытался сесть, но обнаружил, что его руки и ноги обмотаны скотчем. Последний кусочек пазла встал на место. Разумеется, его похитили.

– Я заплачу, – прохрипел он, но мужчина в форме адмирала не ответил. – У меня... есть деньги. Много денег, – добавил Нессельроде.

– Хватит, чтобы купить все, что пожелаешь?

– Да, – ответил Нессельроде.

– Ух ты! – Адмирал грубо схватил Нессельроде и усадил его в дверной проем вертолета. Далеко внизу поблескивало озеро Мичиган. – Можешь купить большую роскошную яхту?

– Да, – промямлил Нессельроде.

– Ну вот, – заметил адмирал, – сейчас самое время.

¹ Биг фарма – это группа транснациональных компаний, производителей фармацевтической продукции, чей годовой доход превышает 3 миллиарда долларов. – Здесь и далее примеч. перев.

Он вытолкнул Артура Нессельроде из вертолета и, наклонившись вперед, смотрел вниз, пока не увидел далеко внизу, на ледяных водах озера Мичиган, крошечный всплеск.

– Мерзавец, – проронил адмирал и задвинул дверь.

* * *

Я смотрел, как подручные моего покупателя укрепляют статую на платформе гигантского полуприцепа. Даже по их виду можно было понять, что это бандиты. Но они все делали правильно, поэтому я просто стоял и ждал.

Когда они закончили, старший из двоих мужиков достал сотовый, позвонил и, кивнув, подошел ко мне:

– Он послал. Электронный перевод. Только что.

Я достал телефон и проверил свой банковский счет. Действительно, депозит был переведен. Вся сумма, в чем никогда нельзя быть уверенным. Я хочу сказать: если человек богат, как этот чувак, то не обходится без заметных изъянов в морали. Посмотрите на меня.

– Уплачено полностью, – с обиженным видом заметил бандит. – Он так *сказал*!

– Разумеется, – согласился я. – Минуточку, – добавил я, вынимая маленький черный электронный блок управления и нажимая на тумблер.

– Что это такое? – нахмурившись, спросил мужик.

– Бомба. Я только что отключил ее.

Он покачал головой:

– Какая бомба?

– Та, что внутри статуи, – с широкой лучезарной улыбкой на лице ответил я.

Он вытаращил на меня глаза:

– Внутри статуи есть бомба?

Вопрос прозвучал немного по-дурацки.

– Не сомневайтесь, но проверьте. Хорошего дня!

Не дожидаясь того, что он скажет на этот счет, я сел в машину и уехал, разбогатев на пятьдесят миллионов долларов.

Но не став счастливее. По сути дела, мне было противно, я злился и дергался. Пятьдесят миллионов причин чувствовать себя прекрасно, но этого не было. Конечно, деньги – хорошая штука. И все прошло без сучка без задоринки, как я планировал. Казалось бы, улыбайся и пой веселые песни. Но я продолжал поглядывать в зеркало заднего вида и брюзжать. Почему?

Потому что. Все прошло слишком легко, а я терпеть этого не могу.

Не могу объяснить почему. Если все получается слишком легко, мне всегда кажется, что это ловушка, или что я совершил какую-то глупую ошибку, или... черт, не знаю! Просто не люблю, когда все так легко. Несмотря на сегодняшний холод, это была прогулка по чертову парку в летний день. Дело было сделано, я получил деньги, но мои нервы вибрировали, словно по ним били тупым мачете. В подобных случаях мама говорила: «Кто-то ходит по моей могиле». И прямо сейчас у меня было такое чувство, будто меня топчут все участники бостонского марафона.

Обычно я легко справлялся с подобным чувством. Но на сей раз оно не проходило. Я ехал с полчаса, размышляя о том, почему это так. Ничего не приходило на ум. Включив радио, я нашел песню «Once in a Lifetime» группы *Talking Heads*, которая мне очень нравилась. Однако на душе стало еще противнее, словно кто-то подкупает меня, чтобы ободрить.

Я остановился в заранее выбранном месте, чтобы сменить машину и переодеться. Это было пустынное место на проселочной дороге, надежно спрятанное за деревьями. Я и выбрал его, потому что оно было совершенно изолированным. Меня ждал здесь другой автомобиль вместе с одеждой на смену. Я отклеил от лица фальшивый шрам и снял адмиральскую форму,

бросив ее на заднее сиденье машины, на которой приехал. Туда отправились также борода, шляпа, ботинки на платформе высотой четыре дюйма. Из сумки, находившейся в багажнике другой машины, я извлек банку с термитной смесью и высыпал ее содержимое на все свои вещи в первой машине.

Потом я переоделся в темно-серый костюм и коричневые оксфорды. Сшитая на заказ рубашка, шелковый галстук, золотые запонки и наручные часы «Мовадо Музеум». Поверх термитной смеси я бросил маленькую коробочку, затем сел в новую машину и вырулил на дорогу. Отъехав на полмили, я услышал за спиной приглушенное «бумм». В зеркале заднего вида я увидел, как над деревьями полыхнуло яркое сияние, и на несколько минут ощутил удовлетворение, чуть ли не счастье. Это пламя являло собой реальное завершение дела. Оно уничтожало последнюю связь с адмиралом и парнем, продавшим статую бандитам. Это был единственный способ достичь успеха. В каждом деле я добиваюсь того, чтобы никто – *никто* – не знал, как я выгляжу.

Начиная с личин, которые я надеваю на себя для дела. Итак, термитная смесь, взрыв первой прокатной машины и все такое. К тому времени как я выеду на I-94, не останется никаких следов. Ни единой зацепки, которую можно связать с тем, кто украл статую. И что более важно, никаких микроскопических следов моей ДНК. Не стоило даже проверять. Я проделывал это достаточно часто. Идентичность была полностью уничтожена, остался лишь пепел... Черт побери, это тоже было легко! Мне снова стало тошно, и я запаниковал.

Я поехал обратно в Чикаго. Нашел радиостанцию, передающую отличные старые песни. *Lovin' Spoonful*, Пол Ревир и даже *Nightcrawlers*. Реально хорошая фоновая музыка. Она помогла мне думать. К тому времени как я добрался до «Виндзора», дома престарелых с длительным уходом, я сообразил, почему чувствовал себя паршиво. Дело в том, что последнее время мне *все* давалось слишком легко. За что бы я ни брался, все отлично получалось с первого раза. Я слишком хорош, черт меня возьми! Звучит самонадеянно? Ни в коем случае. Это чистая правда, черт побери! Я лучший из тех, кто есть, а может быть, лучший из всех, кто когда-либо был. И я ни разу не оплошал с тех пор, как в шестнадцать лет попытался украсть полицейский автомобиль.

В последние два года почти все, за что я брался, шло как по маслу. Не важно, что иногда это казалось глупым или натужным. Дело не в том, что я не ставил перед собой серьезных целей. Я проворачивал дела, казавшиеся невыполнимыми – вроде кражи статуи весом двенадцать с половиной тонн, – так, словно они были чем-то обыденным. Но я не находил ничего такого, что подвергало бы меня испытанию, а это всегда чревато огромной опасностью: стать самодовольным, утратить чувство новизны, а потому рано или поздно я совершил бы ошибку. При моем роде занятий ошибки могут обернуться очень серьезными последствиями. Пожалуй, заключение в тюрьму – фактически лучший вариант. Так что ответ был очевидным, пусть даже мог показаться глупым.

Мне необходимо было найти нечто невыполнимое.

Найти ограбление за гранью возможного – что-то нелепое, немыслимое, глупое, абсурдное до предела. И тогда мне приспичило бы совершить его.

Вот именно, а почему бы и нет? Я поставил машину за несколько домов до «Виндзора» и с минуту сидел, погруженный в раздумья. А потом вдруг подумал: какого черта, что за глупая идея?! Выкинув подобную мысль из головы, я вошел в дом престарелых «Виндзор».

У меня ушло чуть меньше часа, чтобы подготовить маму к переезду. Все медсестры грустили по поводу ее отъезда. Неудивительно, ведь большинство пациентов весь день на что-то жалуются, пачкают нижнее белье и бродят повсюду. Мама всегда вела себя прекрасно, идеальная пациентка. Она не доставляла никаких хлопот. Мама уже много лет лежала в коме – то, что называют устойчивым вегетативным состоянием. Вот потому и не стоит удивляться, что медперсонал ее любил.

Я тоже. По разным причинам. Я поцеловал ее в лоб и сказал ей об этом. Может быть, она меня услышала. Но вероятно, нет.

Когда маму погрузили в «скорую» и машина уехала, я продолжил путь в аэропорт О'Хара. Свидание с мамой не улучшило моего настроения. Я привык думать, что она выздоровеет, если я найду хорошего врача и заброшу его деньгами. Больше я в это не верю. Но я по-прежнему выбрасываю кучу денег, чтобы сохранить мамину жизнь. И чтобы держать ее поблизости от себя, куда бы ни забросила меня работа.

Я поставил арендованную машину и пересел в маршрутку, подвозящую к терминалу. Легко пройдя досмотр службой безопасности, я пошел к выходу на посадку. Обычно сразу после дела я летаю коммерческими рейсами. Даже если мой гонорар не так велик, как сегодняшний, я могу позволить себе частный джет. Но это привлекло бы ко мне лишнее внимание, которого я хочу избежать, пока все не успокоится.

Итак, перед посадкой я успел выпить чашечку кофе. Сев на свое место в самолете, я вынул из кармана сиденья перед собой журнал, наугад открыл его и мельком взглянул на фотографию, занимающую страницу целиком. Потом стал смотреть более внимательно.

Время остановилось. Я не отрываясь смотрел на фото.

Статья была пустяковая. Просто дебильная дутая реклама, как и все, что печатают в таких журналах. Чтобы было чем заняться в дальних полетах, отвлечься от мыслей о том, что несешься по небу на скорости четыреста миль в час и стоит сломаться одной маленькой детали самолета, как ты камнем рухнешь вниз.

Но эта статья была озаглавлена «Приедут в Америку!». Мне не надо было даже читать ее. Мне хватило фотографии. И я понял: вот оно.

Я нашел нечто невыполнимое.

А после того как прочел статью, я в этом убедился. Такое совершенно невозможно сделать. Никогда. Но я должен сделать. Я продолжал рассматривать фотографию. Ничего подобного я еще не видел. Это было так красиво, что у меня заныли зубы. Мне надо увидеть эту вещь в реальности. А потом я украду ее.

Когда мой самолет приземлился в Нью-Йорке, я купил билет на ближайший рейс до Тегерана. Садясь в самолет, я улыбался.

* * *

Денни Керколди нервничал. Он выполнил свою работу и не сделал ничего плохого. Конечно, он охранял толпу вместо статуи, но разве можно было предположить, что кто-то вот так похитит эту хреновину? К тому же там присутствовали важные люди. Он знал, что действовал правильно. Но чувак из ФБР смотрит на тебя так, что чувствуешь себя виноватым. И начинаешь говорить ему то, что он хочет услышать. И Керколди старался:

– Как я и сказал, я пытался отодвинуть толпу назад. Я даже не видел того мужика, пока он не поднялся по веревке в вертолет.

– По тросу, – уточнил Грир. – Он поднялся по стальному тросу.

– Не важно. Дело в том, что я не видел его. Поэтому... – Керколди замолчал.

Агент ФБР смотрел в сторону, на яму в земле, оставшуюся в том месте, где стояла статуя.

– Военная форма у него была настоящая, – заявил Грир. – Адмирал Береговой охраны.

Федерал опустил на колено рядом с ямой, чтобы взглянуть на срезанные болты, по-прежнему храня молчание. От этого Керколди еще больше занервничал.

– Послушайте, мистер... гм... как вас называть?

Поднявшись на ноги, федерал посмотрел на охранников:

– Спецагент Фрэнк Делгадо.

– Ага, послушайте, мистер Делгадо. Спецагент, конечно, – начал Керколди. – Этот мужик уже, наверное, в Рио или типа того. Теперь-то вы его ни за что не поймаете.

Спецагент Делгадо взглянул на Керколди, не проронив ни слова и задержавшись на нем взглядом, потом отвернулся и стал смотреть на озеро.

– Мне уже известно, кто он такой, – сказал Делгадо, поворачиваясь лицом к охранникам, и в его глазах появилось какое-то новое выражение. – Его зовут Райли Вулф.

Глава 2

Признаюсь, я был удивлен. Иран совсем не такой, как о нем говорят в новостях. И вот вам – оказывается, это вовсе не убогая, жуткая и враждебная страна, где жители устраивают засады, чтобы выпотрошить любого *фаранги*, который окажется в пределах досягаемости. В сущности, здесь полно дружелюбных людей, готовых в чем-то помочь. Просто держитесь подальше от стражей исламской революции. Вероятно, благодаря этим парням появились все эти истории о враждебно настроенных туземцах. Вы им действительно не нравитесь, и они не преминут вам это показать.

Все прочие? Они гордятся своей историей и рады похвалиться ей перед вами. Офигеть, но у них есть история! Не та чепуха, которой учат в школе – по крайней мере, в той школе, которую я посещал. Для начала, Иран, называвшийся раньше Персией, когда-то был крупнейшей империей в мире. Ею правил великий царь, и он совсем не был глупцом. В каждом завоеванном им месте он назначал губернатора – сатрапа, причем выбирал кого-нибудь из местных, чтобы его новые подчиненные не слишком возмущались. И он позволял завоеванному народу сохранять свою религию и обычаи при условии, что тот будет выказывать верность великому царю и платить ему дань. Очень разумно. И это делало Персидскую империю неплохим местом для жизни, учитывая, как обстояли дела в то время. К тому же подобная политика приносила много дани.

Важная историческая справка. «Дань» означает «сокровища». Вроде серебра, золота и драгоценных камней. И все это сотни лет вливалось в империю.

Но империя умерла, и новая Персия стала Ираном, исламской республикой. Это означает, что они руководствовались своей интерпретацией ислама. Поэтому они избавились от большинства порочных домусульманских атрибутов старой Персидской империи, за исключением одной очень важной вещи.

Драгоценностей короны Персидской империи.

Помните всю ту дань, которую собирал великий царь? Как я говорил, в основном это были драгоценные камни. Я не имею в виду хорошенькие бриллиантики, которые вы приберегаете для подарка своей девушке. Потому что в те времена великий царь нагонял на людей настоящий страх. Если люди выводили его из себя, он мог усмирить их с помощью лучших воинов на свете, и было у него их свыше ста тысяч.

В те времена «солдат» обычно был фермером, владевшим мечом. И «армия» состояла примерно из трех-четырёх тысяч таких парней.

Солдаты великого царя были головорезами с полной занятостью, которых натаскивали с самого рождения. Представьте себе: вы показываете великому царю средний палец, не желая платить дань. И вот вы стоите с несколькими своими друзьями, держа в руках вилы, а на вас несется десяти тысячное войско персов в доспехах на чистокровных лошадях, выпуская стрелы. А те парни могли на полном скаку попасть стрелой в обручальное кольцо.

Поэтому подавляющая часть завоеванного народа очень серьезно относилась к делам с данью. Они даже состязались друг с другом в том, кто пошлет великому царю самую крутую дань. И если они посылали ему драгоценные камни, то это были ДРАГОЦЕННОСТИ. Огромные камни, богатая оправа, совершенно уникальные вещи, которые до того времени не видел мир и с тех пор не видел. Прекрасная коллекция продолжала расти, и основная ее часть до сих пор хранится в Тегеране, выставлена в Центральном банке.

Приземлившись в Тегеране, я зарегистрировался в отеле и поехал в банк. Я заплатил за вход 200 000 риалов. Могло показаться, что я транжира и за эту цену прихвачу с собой несколько алмазов. Но это всего лишь шесть баксов, и я не моргнув глазом заплатил и вошел внутрь.

Спросите любого иранца. Они скажут вам, что драгоценности короны – прекраснейшая, редчайшая, богатейшая и самая ослепительная в мире из всех коллекций. Они правы. Я видел лучшее по всему свету, и я много грабил. Меня очень трудно удивить. Но эти камушки? Драгоценности короны Ирана?

Я буквально остолбенел.

У меня челюсть отвисла. Захватило дух. Только и мог таращиться без слов. Я увидел лишь крошечную часть, выставленную на обозрение. Однако там есть огромное хранилище, заполненное драгоценностями, – здорово напоминает старые мультики с подвалами Скруджа Макдака, забитыми немыслимыми богатствами. Но то, что я видел перед собой... Я имею в виду, ты просто глазеешь и думаешь, что это все не может быть настоящим. Чертовски много ярких, сверкающих вещичек – повсюду золото и драгоценные камни, украшающие мечи, щетки для волос, зеркала и стулья. Наверняка подделка!

Не подделка. Все подлинное. Нигде в мире нет ничего даже близкого к этому.

И сколько же все это стоит? Забудьте. Не пытайтесь даже повесить ценник на всю коллекцию. Но могу сказать вам, она настолько ценная, что используется для обеспечения иранской валюты, риала.

Есть еще один момент. Забудьте на минуту о коллекции в целом и вдумайтесь вот во что: говорят, один предмет из коллекции стоит более пятнадцати миллиардов долларов. Именно. Всего один предмет.

Дерианур. «Море света».

Это самый крупный розовый алмаз на свете, такой большой, что кажется ненастоящим. И действительно, его нельзя даже назвать алмазом. Это то же самое, что сказать: Эйнштейн типа был умный. «Море света» настолько огромен и офигенно красив, что его просто невозможно сравнить с чем-то еще. Когда видишь его, то начинаешь думать, что пятнадцать миллиардов долларов может быть договорной ценой.

И он был настоящий, и я смотрел на него. И хотя меня поражали другие вещи из коллекции, при виде этого великолепного монстра я оцепенел. Не мог пошевелиться. Мог лишь смотреть на него, воображать, как держу его в руках, ощущая прикосновение холодных розоватых граней этого гигантского камня... Фотографии в самолете оказалось достаточно, чтобы проделать весь этот путь. Но, увидев реальный алмаз, я был потрясен. Это ведь не одно и то же – разглядывать фото голы красотки или прыгнуть в постель к живой модели из «Плейбоя». Я унесся мыслями в другой мир, где не было часов, не было стен и других людей – ничего, кроме меня и «Моря света», и я плавал в этом море, пока не наступило время закрытия. Ко мне подошли охранники и вывели меня из хранилища. Я вышел, продолжая чувствовать присутствие алмаза, испытывая головокружение оттого, что стоял рядом с ним. И я вернулся к себе в отель с единственной застрявшей в голове мыслью.

Дерианур.

Я должен получить его. Но это невозможно.

Позитивный аспект? Именно его я искал. И нашел. Я бросил вызов. Я нашел нечто такое, что выполнить совсем нелегко, как бы я ни старался. Практически невыполнимо. Но это не имело значения. Я намеревался достичь своей цели.

Каким образом?

Что ж, это самый крупный розовый алмаз в мире, но он всего лишь драгоценный камень. Если вы в душе вор, а некоторые из нас просто не могут с собой совладать, то знаете, что драгоценности легкие, что их несложно спрятать и вынести, упаковав очень дорогую вещь в маленький сверток – идеальная цель для проворных пальцев. Даже Дерианур будет легко вынести.

Однако в нашем жестоком мире никто никому не доверяет. Как это ни печально, но иранское правительство все предусмотрело. Если ваш IQ близок к трехзначной цифре, то одного взгляда вам было бы достаточно, чтобы понять: драгоценности короны никуда не денутся.

Потому что здесь, в Центральном банке, в самом сердце Исламской республики с населением восемьдесят миллионов человек, включая целую кучу стражей исламской революции, хорошо вооруженных и недолюбливающих вас, драгоценности спрятаны более надежно, чем в радиоактивном могильнике с кобрами и противопехотными минами в окружении снайперов из «морских котиков». В банк можно попасть, невозможно выбраться из Ирана с любой из этих драгоценностей. По крайней мере, живым, что я считаю важной частью каждого плана.

Так что это даже не вызов. Это безнадега. Драгоценности короны находятся в Тегеране в полной безопасности, и они никуда не денутся.

До настоящего момента.

Помните заголовок статьи из журнала в самолете? «Приедут в Америку!» Знаете, что это означает?

Драгоценности короны Персидской империи привезут в Америку.

Зачем? Политика. В статье, прочитанной мной в самолете, было все растолковано. Драгоценности приедут в Америку, поскольку некоторые трезвые головы с обеих сторон пытаются немного сблизить Иран и США. Поэтому две нации приняли решение «поощрять интерес к уникальному культурному наследию обоих народов для дальнейшего развития духа толерантности и взаимоуважения». По какой-то причине они решили, что лучший способ для этого – обмен национальными сокровищами.

И вот США отправляют в Тегеран оригинал Декларации независимости, текст Геттисбергской речи, написанный самим Линкольном, и флаг США, участвовавший в битве при Балтиморе, тот самый, который вдохновил Ф. С. Ки написать гимн США «Знамя, усыпанное звездами».

Перед Ираном стоял гораздо более легкий выбор. Они отправляют часть драгоценностей короны, включая несравненный Дерианур.

Вы правы. «Море света» едет в Америку.

После долгих обсуждений было решено, что имперская коллекция будет выставлена в музее Эберхардта, небольшом частном учреждении в Манхэттене. Этот музей был открыт в начале XX века для размещения художественной коллекции американского барона-разбойника Людвиг Эберхардта, жившего в XIX веке. Музеем продолжают владеть наследники Эберхардта.

Станный выбор? Ничуть. Старый Людвиг был совершенно бессердечным, жадным негодяем, накопившим огромное состояние. Это означает, что музей получает умопомрачительно высокие пожертвования. А поскольку он частный, деньги могут расходоваться без оглядки на государственные бюджетные ограничения. А это в свою очередь означает использование новейшей электронной системы безопасности, с затратами на которую никто не считается. Да и служба безопасности будет на самом высоком уровне.

Помимо суперсовременных электронных средств, драгоценности будут день и ночь охраняться элитным отрядом вооруженной охраны из службы безопасности «Блэк хэт». Каждый их охранник – отставной «морской котик», или «зеленый берет», или разведчик морской пехоты, то есть все бывшие бойцы элитного американского спецназа. А на тот случай, если они заснут при исполнении, Исламская Республика Иран посылает целый взвод стражей исламской революции.

Все эти меры безопасности чрезвычайно важны и впечатляющи. Их более чем достаточно, чтобы убедить любого здравомыслящего грабителя в том, что похищение драгоценностей – очень плохая идея, если только его не смущает перспектива быть застреленным.

Однако Америка – это страна возможностей, и нельзя показывать богатейшую в мире коллекцию драгоценностей в Манхэттене без того, чтобы кто-нибудь не попытался совершить кражу.

И Кто-то определенно намерен попытаться.

И не просто попытаться. Этот Кто-то найдет способ обойти все лазеры, и сенсоры, и инфракрасные лучи, и черт знает что еще. И этот Кто-то придумает, как пройти мимо бывших «морских котиков», и «зеленых беретов», и разведчиков из «Блэк хэт», и бородатых чокнутых стражей исламской революции. И этот Кто-то доберется своими вороватыми руками до одной или двух драгоценностей иранской короны, засунет их в карман и выйдет сухим из воды с огромнейшей добычей, превышающей все то, что было совершено в гребаной истории ограблений.

Думаете, это безумие? Самоубийство? Что это невозможно? Так и есть. Думаете, это невыполнимо?

Смотрите внимательно.

Глава 3

Люди посещают Манхэттен круглый год, даже в такой жаркий июль, какой выдался в этом году. Люди приезжают со всего света, чтобы увидеть этот великий город. Туристы наводняют улицы, заполняют рестораны, набиваются в метро и автобусы. По большей части местные жители не обращают на них внимания. Нашествие туристов не в состоянии вывести из себя жителей Нью-Йорка. Они привыкли к толпам чужаков, глазеющих на высокие здания, и, в общем-то, не возражают. В их представлении туристы – это шагающие банкоматы.

Мужчина, вылезший из такси на углу Парк-авеню и Шестидесят второй улицы в тот июльский вторник, явно был туристом и вряд ли мог привлечь чье-то внимание – во всяком случае, не на Манхэттене и не в такой зверски жаркий день. Среднего роста, среднего телосложения, со светло-каштановыми волосами средней длины, он был одет, как любой турист жарким летом: легкие карго-шорты, яркая гавайская рубашка и синие кроссовки «Найк» с белыми носками. Разумеется, большие солнцезащитные очки и синяя бейсболка с надписью «Нью-Йорк», на плече – небольшой нейлоновый рюкзак. Мужчина заплатил водителю, аккуратно отсчитав десять процентов чаевых, а потом повернулся и легким шагом направился в сторону Шестидесят третьей улицы.

Перейдя Шестидесят третью улицу, он вынул из рюкзака фотоаппарат и повесил себе на шею – первая примечательная у него вещь, поскольку фотоаппараты, почти полностью замененные сотовыми телефонами, стали пережитком прошлого. Но у этого фотоаппарата был качественный телеобъектив, и вскоре стало ясно, почему мужчина предпочитает его сотовому телефону. Когда он останавливался, чтобы сделать прицельные снимки самых старых и наиболее интересных зданий на пути, обращая особое внимание на декоративную отделку окон и дверей, становилось понятным, что он фанат архитектуры. А ухватить интересовавшие его детали можно только с помощью фотоаппарата.

На Шестидесят четвертой улице мужчина задержался чуть дольше, сделав порядочно снимков одного необычного старого здания. Понять это было несложно, поскольку здание действительно очень редкое. Оно было построено по проекту Бофорда Харриса Уиттингтона, одного из протеже Стэнфорда Уайта, и, хотя в нем много элементов, прославивших Уайта, – колонны, внушительный фасад, напоминающий пряники декор по краю крыши, – этому дому недостает вкуса построенных самим Уайтом, таких как клуб «Метрополитен». Он был солидным, импозантным, на вид что-то среднее между банком и крепостью. Именно такое здание задумал возвести барон-разбойник, живший в XIX веке, для размещения своей растущей коллекции произведений искусства. Он требовал построить не просто здание, а крепость, хранилище – сооружение, напоминающее людям о находящихся внутри сокровищах, но это были *его* сокровища, и их надлежало надежно сохранять в неприкосновенности.

Его сокровища по-прежнему находились здесь, в том же надежном месте, и наследники барона-разбойника заботливо расширяли художественную коллекцию, превратившуюся со временем в одну из лучших частных коллекций. Здание, в котором размещались эти сокровища, стало довольно известным в определенных кругах. И если тот мужчина с фотоаппаратом сделал множество снимков с разных ракурсов, это было вполне логично. В конце концов, какой любитель американской архитектуры XIX века отказался бы изучать музей Эберхардта?

Обойдя весь музей, сделав снимки со всех возможных ракурсов, фотограф двинулся дальше. Он дошел до Шестидесят шестой улицы и, перед тем как перейти Парк-авеню, задержался, бросив последний долгий взгляд на музей Эберхардта, как будто о чем-то размышляя. Потом светофор переключился, и мужчина пошел по Парк-авеню и дальше по городу.

* * *

Большинство посетителей, приходивших в музей Эберхардта, разумеется, не обращали внимания на архитектуру. Они заходили внутрь, чтобы посмотреть живопись. Эберхардт славился коллекцией мастеров барокко и Возрождения и потому входил в список обязательных для посещения теми, кто интересовался искусством этих периодов. Шесть дней в неделю музей привлекал толпы студентов художественных учебных заведений и туристов. Входная плата была умеренной, но она заметно возрастет, когда привезут драгоценности. Было там и небольшое кафе, и, конечно, магазин сувениров. В залах скамейки, галереи длинные и прохладные, а в кафе приятный затененный атриум. Все эти вещи, вместе взятые, делали музей подходящим местом в жаркий день для тех, кто интересуется культурой. И хотя Эберхардт был далеко не самым популярным музеем Манхэттена, на входе в него почти каждый день можно было увидеть постоянный поток посетителей, пришедших полюбоваться картинами, статуями и другими произведениями искусства.

Эта среда не стала исключением. Длинная галерея, отданная мастерам эпохи барокко, была, по обыкновению, заполнена почитателями искусства. Молодые женщина и мужчина примерно одного возраста – судя по одежде, студенты, – прижавшись друг к другу, сидели на мраморной скамье перед Вермеером. Женщина делала набросок, а ее приятель настойчиво нашептывал ей на ухо что-то о голубых тонах на картине. Мимо них прошла небольшая группа японских туристов, сгрудившихся вокруг экскурсовода с поднятым флажком. Пожилая пара, держась за руки, не отрывала взгляда от небольшого, но изысканного Караваджо. По одному и по двое проходили другие посетители, и никто не обратил особого внимания на довольно полного мужчину в костюме из сирсакера, в бейсболке «Атланта брэйвз», частично закрывающей его круглое потное лицо. Толстяк медленно прошел вдоль длинного зала и, тяжело дыша, остановился у массивной металлической двери с табличкой: «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД – ПРОЗВУЧИТ СИГНАЛ ТРЕВОГИ».

Никто также не заметил, что он, дыша с присвистом, останавливался около каждой двери и окна в залах музея или что на эмблеме «Атланта брэйвз» его бейсболки имелось крошечное отверстие, спрятанное в середине ярко-красного томагавка. В этом отверстии можно было заметить малюсенькую точку, как будто излучающую свет. Но отверстие было совсем крошечным, и никому не пришло бы в голову подойти ближе, чтобы рассмотреть его. Толстяк не спеша изучал карту музея – всего 14 долларов 95 центов в магазине сувениров – и внимательно рассматривал несколько картин, а потом, тяжело дыша, подходил к следующему окну. Наконец он остановился, прислонившись к мраморной колонне, рядом с одним из охранников в форме. Охранник поднял глаза, заметив габариты мужчины и его красное потное лицо.

– Вы в порядке, сэр? – спросил охранник у толстяка.

– О да, да, все будет нормально, – с сильным акцентом жителя Джорджии ответил мужчина. – Просто таскаю с собой много лишнего веса, – с улыбкой произнес он, похлопывая себя по большому рыхлому животу. – Особенно в такую жару! Не могу отдышаться.

– Ну так отдохните, – посоветовал охранник.

– Большое спасибо, сэр. – Через минуту толстяк задышал более спокойно. – Отличная тут у вас коллекция, – наконец сказал он. – Замечательная. Но полагаю, ей не сравниться с теми персидскими драгоценностями, которые к вам привезли. – Он наклонил голову. – Вы их уже видели?

– Нет, – фыркнул охранник, – и не собираюсь, если только не заплачу двадцать пять баксов, как любой другой. А этого я делать не стану. Не собираюсь платить, чтобы попасть в место, где работаю пятнадцать лет!

– Платить за... Ну уж вас, охранников, вряд ли отправят по домам, когда выставляются такие сокровища?

– Отправят, – с явным отвращением отозвался охранник. – Потому что мы недостаточно хороши для этой работы. Сюда пришлют новую команду из «Блэк хэт».

– «Блэк хэт»... Вы имеете в виду преступников или типа того?

Охранник покачал головой:

– Не-а. Это профессиональные солдаты – знаете, наемники.

– Наемники! – воскликнул толстяк. – Никогда о таком не слышал!

– Разве это правильно? Я шесть лет прослужил в армии, десять лет в полиции Нью-Йорка, а теперь, оказывается, не годюсь для этой работы.

– Господь вас благослови! – произнес толстяк. – Нет, неправильно.

– А-а, – вздохнул охранник. – Эти парни из «Блэк хэт»? Банда воинственных придурков, но они, черт возьми, знают, что делают!

– Знают ли?

– Да, черт возьми! Они все бывшие спецназовцы. Их набирают прямо из «морских котиков» или из отрядов разведки. Наиболее обученная и оснащенная частная армия в мире. А если этого будет недостаточно... – охранник понизил голос, словно делился конфиденциальной информацией, – тогда пришлют еще команду напористых иранских солдат. Стражей исламской революции.

– Что ж, я слышал об этих парнях, – сказал толстяк. – Свирепые, как Копперхед.

– Чертовски верно! – согласился охранник. – Любого, кто попытается учудить что-нибудь странное, они вмиг пристрелят.

– Ну и ну, – отозвался толстяк. – Думаю, эти драгоценности будут в безопасности.

– Спорю на что угодно, – сказал охранник. – Тому, кто что-то замыслит, несдобровать.

– Что ж, сэр, хотелось бы мне быть в городе, чтобы взглянуть на эти драгоценности, когда они придут. Да, интересно было бы на них посмотреть. – Развернув карту, он добавил: – Подскажите, как найти рисунок Леонардо да Винчи, которым вы так гордитесь?

– Следующая галерея, вон там, – указал охранник направо. – Удачи, приятель!

– Да, спасибо, – откликнулся толстяк и не спеша отправился на поиски Леонардо.

Правда, едва завернув за угол, он пошел налево прямо к входной двери и, выйдя на улицу, сел в такси и уехал.

* * *

На следующий день вечером, как раз когда заступила на смену ночная охрана, Фредди Лагерфелдт делал свой первый обход по периметру здания музея. Фредди два года как уволился из армии, и он любил свою работу. Ему даже нравилось работать в ночную смену, поскольку платили на пятьдесят центов в час больше, что в наши времена совсем неплохо. Ночной Нью-Йорк совершенно его не пугал. Он вырос в Квинсе и после двух кампаний в Афганистане Ист-Сайд Манхэттена представлялся ему абсолютно спокойным местом.

Фредди не спеша осматривал двери, светил фонарем в небольшие темные места, обходя здание вокруг, пока не дошел до задней части. Проход вел к погрузочной платформе, и большой мусорный контейнер был отодвинут к стене напротив. Обычно Фредди светил фонарем, хорошенько все осматривая, и шел дальше. Контейнер был заполнен отбросами из кафе и другим пахучим мусором, и в этой жаре вонь была ужасная.

Но сегодня, когда Фредди посветил фонариком в проулок, он увидел что-то такое, чего здесь раньше не было: разбитую магазинную тележку, доверху заполненную плотно увязанными свертками. Фредди точно знал, что она не имеет отношения к музею и поэтому ее здесь быть не должно. Похоже, эта тележка принадлежала какому-то бездомному бродяге. Фредди

ничего не имел против бездомных, но иногда они доставляют неприятности, и его задачей было не дать этим неприятностям произойти. Высоко подняв фонарь, Фредди осторожно ступил в проулок, чтобы рассмотреть получше. Подойдя к тележке, он увидел фигуру, зажатую между тележкой и мусорным контейнером. Остановившись, Фредди направил туда луч фонаря:

– Эй, кто там?

Фигура зашевелилась и заерзала, словно пытаясь вжаться в стену, и забормотала что-то, чего Фредди не мог разобрать.

– Что, что такое? Эй, ты в порядке? – Он осторожно шагнул ближе, светя фонариком в лицо человека. Это был тощий, оборванный и невероятно грязный мужчина. Большую часть его лица закрывала густая черная борода. – Привет, приятель, – сказал охранник.

– Ветеран. Я ветеран, – пробормотал человек. – Позволь мне остаться, пожалуйста. Я ветеран, прошу тебя. Мне нужно где-то поспать, не гони меня.

– А? – Фредди остановился.

Побывав в Афганистане, он знал, что к такому же концу пришли на удивление многие его бывшие армейские приятели, которым ничего не оставалось, как под гнетом воспоминаний скорчиться в темноте, отгоняя демонов посттравматического стрессового расстройства.

– Ладно, приятель, расслабься. Никто тебя ночью не потревожит.

– Ветеран. Я ветеран, – бубнил человек, снова сползая вниз.

– Я тоже, приятель. Можешь остаться здесь на ночь, лады? – Человек что-то пробормотал, и Фредди, подойдя чуть ближе, присел на корточки. – Я дважды побывал в Афганистане, приятель. И я понимаю, каково тебе. Я позабочусь о том, чтобы тебя никто не беспокоил. Но только ночью, о'кей? Утром тебе придется уйти.

– Я уйду, обязательно уйду... Не могу быть в другом месте, потому что, ты же знаешь, становится так шумно, и я... Прошу тебя, я ветеран...

– Угу, я понял, – отозвался Фредди, поднимаясь. – Не волнуйся. Ночью тебя никто не потревожит. – Взглянув на грязную скрючившуюся фигуру и подумав о том, что мог оказаться на месте этого парня, он добавил: – Ни о чем не беспокойся. Поспи немного.

Повернувшись, он вышел из проулка. Когда Фредди ушел, бездомный тут же поднялся, с минуту вглядывался в дальний конец проулка, а затем побежал вдоль стены здания к лестнице, ведущей на крышу.

* * *

Уже много лет ходят слухи, даже городские легенды о существах, прячущихся под улицами Манхэттена. Есть истории о неизвестных и неисследованных сетях туннелей, обширных пещерах, замысловатых вокзалах Викторианской эпохи, почему-то заброшенных или умышленно спрятанных, если вы тяготеете к зловещим тайным замыслам. Вместе с этими историями бытуют рассказы о таинственных племенах бледных подземных людей, никогда не видевших дневного света. Есть также легенды о племенах не вполне человеческих существ – людей-котов, о которых толкуют испуганным шепотом с 1800-х.

И кто знает? Некоторые из этих историй вполне могут оказаться правдой. Нет сомнения в том, что если под улицами Нью-Йорка действительно живут люди-кроты или другие странные существа, то найти их можно в длинных отрезках заброшенных туннелей, отходящих от основной сети подземки, охватывающей весь город.

Андрес Малдонадо слышал такие истории. Вряд ли они прошли бы мимо него, ведь он работал в городской транспортной компании уже двадцать три года, а последние пятнадцать лет водил поезда подземки на линии Лексингтон-авеню, маршруте с кучей собственных историй. Люди несли какую-то чертовщину об этом маршруте, типа истории о старой станции

«Сити-Холл», закрытой, но по-прежнему существующей. Сам он в этом районе ничего такого не видел, но кто мог бы уличить этих людей во лжи?

Андрес знал, что вдоль этого маршрута есть несколько других мест, похожих на торопливо заблокированные боковые туннели. Он расспрашивал о них и в ответ слышал новые истории о людях-кротах, Бездомной армии, людях-ящерицах и другие, еще менее правдоподобные. Он ни разу не видел признаков, указывающих на правдивость этих сказок, но кто знает? Он прожил достаточно и понимал, что на свете много всякой странной хрени, которую невозможно объяснить. Его дядя, живущий в Пуэрто-Рико, много раз видел *чупакабру*, но ему никто не верил. А вот Андрес верил, ведь, в конце концов, это его дядя. Но у него хватало ума понять, что по большей части люди не хотят признавать такие вещи.

Поэтому, медленно подъезжая к станции «Пятьдесят девятая улица», он не слишком удивился, когда в лучах от фар поезда заметил впереди фигуру в темном комбинезоне и шлеме с головным фонариком. Андрес выругался, почувствовав, как на лице проступил пот. Он ничего не мог поделать – поезд был слишком близко и не мог остановиться. Сейчас он собьет этого недоумка.

Парень поднял глаза – это был определенно парень, а не один из этих людей-ящериц. Долю секунды он стоял в оцепенении. Потом проворно вскарабкался на рельсы и нырнул в один из боковых туннелей, таща за собой вещмешок.

Как раз когда парень исчез в дыре, поезд с ревом промчался мимо, и Андрес перевел дух и покачал головой. Какого черта, он чуть не наехал на парня! И вообще, что этот *hijo de puta*² там делал? Возможно, просто какой-то тупой мудака-миллениал пытается обследовать подземку Нью-Йорка и написать о ней книгу. Нет, не книгу, а сайт. В наше время создают сайты. А еще продают футболки или что-то вроде того.

Как бы то ни было, он не сбил этого чертова *pendejo*³, а остальное его не касается. Андрес выкинул происшествие из головы и остановил поезд на станции.

А тем временем мужчина в комбинезоне, забившись в нишу, переводил дух. Он как раз собирался расширить ее, но приближающийся поезд заставил его заползти внутрь. Ниша уже много лет была закрыта, и открыть ее оказалось труднее, чем он предполагал. Глубоко вдохнув, он прислушивался к грохоту удаляющегося поезда. Одна из поперечных балок, блокирующих дыру, была заменена стальной арматурой и закреплена в бетоне. Он не предполагал такого, и у него ушло гораздо больше времени на то, чтобы снять ее.

Но время не имело значения. Ему необходимо было выполнить эту работу. Он пробирався в сторону Парк-авеню по туннелю, который уже давно не использовался. Со стен и даже с потолка падали обломки бутовой кладки. Под ногами оставались рельсы, ржавые, во многих местах сломанные. Поэтому он шел осторожно, пока туннель резко не оборвался в том месте, где когда-то была станция давно не существующей ветки подземки. Здесь он задержался, светя фонариком на старую платформу. На задней стене имела мраморная арка, но дверной проем, который она когда-то обрамляла, был заложен кирпичом и оштукатурен. Мужчина направил фонарь на сводчатый потолок, отделанный с удивительной проработкой деталей, характерной для XIX века. Фреска на потолке, выцветшая, с облупившейся краской, но еще различимая, изображала похищение Европы. Мужчина улыбнулся и достал карту. Он внимательно изучил ее, сверяясь с GPS на запястье. Потом, кивнув сам себе, сложил карту.

После этого он открыл вещмешок и достал оранжевый предмет, по размеру и форме напоминающий футляр для винтовки. С одной стороны у него была рукоятка с какой-то вмонтированной электроникой. Мужчина включил прибор и, поднявшись на платформу, дошел до

² Сукин сын (исп.).

³ Придурок (исп.).

дальней стены с заложенным арочным проемом и стал медленно двигаться вдоль нее вправо, направляя другой конец прибора на стену и контролируя круговые шкалы.

В течение следующего часа мужчина ходил взад-вперед, обследуя оранжевым прибором каждый дюйм стены. Что бы он там ни искал, он этого не находил. Он засунул оранжевый предмет обратно в вещмешок и достал другой прибор – черную коробку с двумя антеннами сверху и каким-то датчиком на лицевой поверхности. Еще полчаса он обследовал ту же стену, но, закончив, не был удовлетворен. Покачивая головой, он пробурчал:

– Сплошная чертова сталь.

Он уставился пристальным взглядом на стену, но это тоже не помогло. Потом мужчина убрал коробку, достал бутылку с водой и сел на землю.

Довольно долго он сидел, прихлебывая воду и время от времени поглядывая на стену и потолок. Наконец он и от этого отказался.

– Черт! – вполголоса выругался он.

Потом встал, отряхнул руки и, перекинув вещмешок через плечо, пошел обратно по туннелю в сторону ближайшей платформы линии Лексингтон-авеню.

* * *

Анжела Данэм была занятой женщиной. Обычно ей, ассистенту куратора музея Эберхардта, не приходилось работать в таком бешеном темпе, как сейчас. Это правда, что Бенджи Драйден, куратор, приходился Эберхардтам кузеном, и он не относился к тем людям, которые почитают усердную работу добродетелью, по крайней мере применительно к себе. Но он тем не менее ожидал этого от ассистента, и у Анжелы всегда находились дела.

Обычно нагрузка не была чрезмерной. Анжела любила свою работу, с которой вполне справлялась за восьмичасовой рабочий день. Но сейчас, с прибытием этих чертовых драгоценностей короны, она была вовлечена в постоянную бурную деятельность, организуя страхование дополнительных расходов, контролируя установку новой системы безопасности, что означало взаимодействие с представителями службы безопасности «Тибьюрон», которые, по ее мнению, были несколько устрашающими. Куратор Бенджи устранился от всего этого. Анжеле пришлось даже наблюдать за оформлением экспозиции. И все это просто никак не кончалось. Столько деталей требовали ее внимания, что Анжеле стало казаться, что она не сможет теперь выкроить минуту, чтобы спокойно выпить кофе.

Анжела пристрастилась к кофе, признавая себе, что это переросло в пагубную привычку. Разумеется, отчасти это было ей внове. Она выросла на чае, пила «PG Tips» во время учебы в магистратуре Бирмингемского университета, дома, в Мидлендсе. Но десять лет назад она уехала в Америку, получив эту работу, и переключилась на кофе. Среди прочих вещей это заставляло ее чувствовать себя здесь не такой чужой. Она научилась получать удовольствие от самого ритуала: налить чашку, несколько минут посидеть, прихлебывая кофе и мысленно планируя свой день. Но последние несколько недель проходили в такой суете, что у нее не хватало времени забежать в туалет, не то что выпить чашку кофе.

Поэтому, когда ее помощница Мег сообщила, что пришел некий мистер Бек поговорить об электронной системе безопасности, Анжела не восприняла этот визит в качестве досадной помехи, как было бы раньше. Наоборот, она обрадовалась случаю просто посидеть за своим столом и несколько минут спокойно поговорить – и, разумеется, выпить кофе.

– Позови его, – сказала она, наливая себе кофе из термоса, стоящего у нее на столе.

Она успела сделать лишь один глоток, когда вошел мистер Бек. Это был плотный мужчина в сером костюме, очевидно, лет пятидесяти с небольшим, с жесткими седыми усами, седыми волосами, старомодно подстриженными «ежиком», очками в широкой черной оправе и галстуком-бабочкой.

– Миз Данэм, – обратился он к ней, протягивая свою карточку. – Я Ховард Бек, из «Цербер секьюрити систем».

В его голосе слышалась небольшая хрипотца, но в целом он казался довольно приятным. Анжела взяла карточку и кивком указала ему на кресло напротив:

– Садитесь, мистер Бек. Желаете кофе?

– Нет, благодарю вас. Очень мило с вашей стороны, но нет. Врачи не велят. – Он сконфуженно улыбнулся.

– Что ж, надеюсь, вы извините меня, если я сама немного выпью?

– О-о, разумеется! Я до сих пор люблю запах, но не могу дать себе волю. – Он покачал головой. – Говорят, аритмия. Сердце.

– Сочувствую, – произнесла Анжела. – Но все же бывает и хуже, полагаю?

– О да, намного хуже. Я не жалею, – сказал он, потом, подождав, когда она сделает следующий глоток, продолжил: – Миз Данэм, я знаю, вы очень заняты...

– Вы даже не представляете себе как, – пробормотала она.

– ...поэтому сразу перейду к делу. Я знаю, в музее Эберхардта всегда была первоклассная система безопасности, однако иранские драгоценности короны превратят ваш музей в огромное яблоко мишени. И если кто-то в него прицелится, то уж точно постарается не промазать.

– Да, не сомневаюсь, вы правы.

– Эти злоумышленники разузнают все, что нужно для того, чтобы обойти любые системы охраны и сенсоры – они знакомы со всеми и не один раз взламывали их. Так что, если вы действительно хотите сохранить эти драгоценности, вам понадобятся некоторые вещи, о которых никогда не слышали эти нечистые на руку джентльмены. И здесь вам поможет система «Цербер». По секрету скажу вам, миз Данэм, что смогу помочь музею с модернизацией системы безопасности, намного превосходящей современный уровень, – некоторые наши компоненты еще даже не поступили на рынок.

– Правда? Это очень интересно, но...

– По сути дела, я могу гарантировать, что с нашей новой системой «Цербер» вы получите усовершенствования, пока нигде не применяемые, а это означает, что плохие парни не знают, как взломать такую систему. – Он кивнул с чувством удовлетворения.

– Мистер Бек, прошу прощения, но мы уже наняли фирму для модернизации нашей системы безопасности.

– Да, мэм, но, при всем уважении, у них не может быть той прогрессивной технологии, какую предлагает «Цербер».

– Да, но право, мистер Бек...

– Большая часть этих спецов не думают о том, что кто-то может проложить туннели к вашему подвалу. «Цербер» предусмотрел и это.

– Нам обещали установить всю электронику в подвале. И я боюсь...

– А теперь, прежде чем сказать «нет», послушайте еще одно: крыша.

Анжела подождала, но он ничего не говорил, просто кивал с серьезным выражением лица.

– Могу вас уверить, крыша у нас есть, – наконец сказала она в напряженной тишине.

– Да, мэм, я знаю, что есть. Но оснащена ли она лазерными сенсорами, восприимчивыми к любому движению или изменению давления от предмета весом более пятидесяти фунтов?

– В сущности, нанятая нами фирма проинформировала меня, что они установят что-то в этом роде, да. – Она одарила его вполне британской высокомерной улыбкой. – И разумеется, обеспечат вооруженную охрану. На крыше и во всех других возможных точках доступа.

– О-о, – только и произнес мистер Бек; Анжела подумала, что у него несколько уязвленный вид. – Не сочтите меня чересчур напористым, но нельзя ли узнать название этой фирмы? Поскольку...

– «Тибьюрон», – ответила Анжела, но тут в дверь деликатно постучали – три негромких стука, это была ее помощница Мег. – Входи, – откликнулась она.

Мег просунула голову в дверь, ее бледное круглое лицо казалось встревоженным.

– У меня образцы. Портьер.

– Сейчас подойду, – отозвалась Анжела и, взглянув на свою кофейную чашку, вздохнула: чашка была пуста. – Мистер Бек, боюсь, у меня действительно нет больше времени.

– Да, мэм, понимаю, и спасибо, что уделили мне время. – Он встал. – «Тибьюрон» – это очень хорошо, но если у вас возникнут проблемы...

Анжела невольно улыбнулась:

– Обязательно позвоню. Благодарю вас, мистер Бек.

– Это вам спасибо, миз Данэм, – отозвался он.

Он наклонил голову в каком-то полупоклоне и быстро вышел. Бросив на термос последний взгляд сожаления, Анжела минуту спустя последовала за посетителем.

* * *

Главный старшина (в отставке) Уолтер Бледсо сидел за своим столом в приемной службы безопасности «Тибьюрон». Это был непритязательный с виду офис, хотя ветерану ВМС он сильно напоминал Военно-морское ведомство, где осуществлялось командование спецоперациями ВМС США. К этому он привык. И это его пост. Он организатор, координатор. Он не один из тех гиков, которые работают с высокотехнологическими штуками. Все они были ветеранами команд спецназа, но гики находились в своей рабочей комнате в задней части здания, а он сидит здесь и любит мир.

И поскольку каждый член команд должен работать в полную силу и выполнять множество задач, Бледсо был также секретарем «Тибьюрон». По большей части он не возражал. Приходившие сюда люди были в основном придурками в адмиральском чине, но за двадцать лет службы во флоте Бледсо сделал карьеру, научившись обращаться с канцелярскими крысами вроде них – с этими чуваками, возомнившими о себе черт знает что. Теперь, когда он стал штатским, он даже чаще наталкивался на этих трусливых говнюков. На них действовали те же приемы, и Бледсо был настоящим виртуозом, если требовалось поставить их на место – штатского или военного, – не проявляя при этом прямого неповиновения.

Прозвучал негромкий электронный сигнал, и Бледсо оторвался от своих бумаг. На его мониторе с высоким разрешением появился мужчина, подходящий к входной двери, – среднего роста, жилистый, с темными всклокоченными волосами. На мужчине были отглаженные хаки и аккуратно заправленная в брюки белая рубашка. На лице – большие очки в яркой оправе клюквенного цвета.

– Ну и милашка, охренеть! – пробормотал Бледсо, наблюдая за тем, как мужчина вновь заглянул в клочок бумаги у себя в руке, сверяясь с номером на двери. – Ну давай, фея Динь-Динь. Нажми на чертову кнопку, дубина, – пробурчал Бледсо.

Словно услышав его, мужчина поднял руку и нажал на маленькую черную кнопку у двери. Бледсо кликнул мышью на экране монитора, чтобы открыть дверь. Минуту спустя незнакомец предстал перед ним.

– Могу я вам чем-нибудь помочь... сэр? – с толикой сарказма спросил Бледсо.

– Гм... я ищу... то есть я надеялся, у вас здесь имеется вакансия?

– Вакансия? Здесь? – переспросил Бледсо и, окинув мужчину неторопливым презрительным взглядом, покачал головой. – Вы уверены, что пришли в нужное место? Мы здесь ерундой не занимаемся.

– Нет, я... хочу сказать... «Тибьюрон», верно? И... гм... знаете, я слышал, чем вы тут занимаетесь – последние технические достижения и так далее, и это... о-о! – Он вынул из кар-

мана конверт и положил его перед Бледсо. – Гм... мое резюме. Это... У меня степень магистра. Из Стэнфорда. Электронная техника. Я специализируюсь на обслуживании и безопасности. И... гм... я получил работу в одном из этих стартапов, знаете, в Кремниевой Долине. Но... мм... – Он хохотнул. – Они обанкротились, не успев даже заплатить мне. И вот я... гм... – Его голос замер. Он покраснел, заметив на лице Бледсо выражение сочувственного недоверия.

– Послушайте, приятель, – заставив мужчину попотеть с минуту, сказал Бледсо, – не знаю, что вы там слышали, но мы нанимаем только парней из команд.

– Команд? Вы хотите сказать... В колледже я был в команде по теннису...

Он вновь замолчал, когда Бледсо покачал головой:

– Никакого спорта. Никакого тенниса. Команды спецназа. Мы нанимаем только парней, которых знаем по командам спецназа.

– Но... у меня степень магистра... я могу быть вам полезным...

– Этого не будет, – твердо произнес Бледсо. – Никогда, никоим образом. – Он с сомнением поднял брови. – Если только для начала не попытаетесь поступить добровольцем в команды.

Бедняга открывал и закрывал рот, как дурацкая рыба. Он явно переживал, но чего он ожидал, черт побери! Бледсо смотрел, как парень покрывается потом, судорожно сглатывая, а затем сказал:

– Seriously, приятель. Ни одного долбаного шанса. О'кей? – Бледсо кликнул мышкой, и дверь распахнулась, заставив посетителя вздрогнуть. – Хорошего дня, – бросил Бледсо, а парень еще раз сглотнул, оглянулся по сторонам и потом выскочил за дверь, словно за ним гнались апачи. – Дубина, – заключил Бледсо. – Тупая задница и дубина.

И он бросил резюме в корзину.

Глава 4

Мой письменный стол был завален всяким бумажным хламом. Обычно такого не бывает. Если только я не работаю над каким-то совершенно новым планом. А именно этим я тогда и занимался. Или, во всяком случае, пытался. И жуткий беспорядок на моем столе говорил сам за себя: фотографии, карты, брошюры, диаграммы, груды бумаг, скрывающие пустые упаковки от еды. От такого беспорядка мама упала бы в обморок. Но она этого не увидит. И никто не увидит, кроме меня. Я не мог допустить, чтобы кто-нибудь понял, что это не то, чем кажется, – не бесполезная кипа случайных, не связанных друг с другом бумаг. При ближайшем рассмотрении можно было заметить, что все бумажки в этой кипе имеют отношение к музею Эберхардта. Там были подробные фотоснимки каждого окна и каждой двери, снаружи и изнутри; крупные планы участков крыши, в особенности участки вблизи световых люков; подробные схемы полов музея и даже сейсмические карты области под зданием, а также старая карта подземки. Чтобы собрать все это, я буквально отсидел себе задницу, я превратился в потную жирную деревенщину, провел ночь в лохмотьях у мусорного контейнера. Я испробовал все, обследовал каждый дюйм здания, залезая даже туда, куда никому не пришлось бы в голову залезть, – это что-то вроде моей торговой марки – и знаете что?

Все это были напрасные потуги.

Не существовало никакого долбаного способа проникновения. Даже для меня. Райли Вулфа. Гения драгоценностей. Короля клептомании. Величайшего из когда-либо живших воров. Я остался в стороне от того, что могло бы стать величайшим ограблением за всю историю – могло бы, если бы я сумел проникнуть в музей.

А я не сумел. Никак.

– Черт! – выругался я. – Черт, черт, черт!..

Сколько бы я ни повторял, это не помогало. В голову не приходил никакой блестящий план. Даже глупый не приходил. Я оставался снаружи, вглядываясь внутрь. А когда привезут драгоценности, станет намного хуже. Я не смогу даже приблизиться, чтобы заглянуть в дверь.

Взяв лист бумаги, я зарычал на него. Моя памятка. Отправная точка для моего самого потрясающего и невероятного дела. Я еще раз просмотрел лист, выискивая слабые места. Доступ с крыши – нет. Доступ из подвала – невозможно. Система охранной сигнализации – новейшая неизвестная технология, так что забудь об этом. Двери, окна, стены, пол – ничего. Из списка была вычеркнута любая возможная точка доступа. И не важно, сколько бы я ни пялился в этот лист, ничего нового, как по волшебству, не появлялось.

Я свернул лист в трубочку и дал ему упасть. Бесполезно. Бесполезно. Я был не в состоянии придумать ни единой вещи, которую бы они не предусмотрели. А почему? Потому что я не мог сломать образ мыслей обыкновенного тупоголового заурядного вора. Все, что я придумывал, мог попытаться сделать любой никчемный подражатель. «О-о, я знаю – проникнуть через световой люк!» Ну конечно. И приземлиться прямо перед парочкой отчаянных придурков с автоматическим оружием.

– Стандарт, – бормотал я. – Чушь собачья для недоумков! Думай, черт возьми!

Но мысли все не приходили. Я создал себе репутацию, придумывая ходы, недоступные другим, и выполняя их. И прежде чем выполнить их, для того чтобы по максимуму обезопасить себя, я всегда проделывал обычные трюки, тупые штуки, бывшие в ходу у любого клоуна и рассчитанные на копов, видевших их раньше и готовых к этому. Во всяком случае, я всегда это практиковал. И обычно они помогали мне придумать совершенно новый прекрасный план для достижения моей цели.

А на этот раз? Ничего. Я ничего не ожидал и ничего не нашел. А то, что я нашел, было достаточно для того, чтобы отпугнуть любого другого. Я считал систему безопасности Цен-

трального банка Тегерана очень жесткой. Эта была намного серьезнее. То, что они сделали для музея Эберхардта, было практически на уровне «Звездного пути» – лет на двести впереди всего остального.

И я продолжил свои попытки. Поскольку никто другой до этого не додумался бы, я стал изучать жизнь Людвига Эберхардта, основателя династии, старого мудака, построившего это здание. Сведений, которые я насобирав, хватило бы на долбаную диссертацию. Я узнал о нем много такого, чего не знал никто другой, – могу поспорить. И у меня в какой-то момент проснулась надежда, когда я узнал о частной ветке подземки, которую построил старый мерзавец, чтобы добираться в роскошном пульмановском вагоне в музей из дома.

Меня едва не сбил поезд подземки, но я нашел туннель, по которому проходила старая ветка Людвига. И это был еще один тупик. Такой же, как все прочие тупики, которыми был завален мой письменный стол. Все это бесполезный мусор. Невыполнимые, даже фатальные проекты. Идеи у меня иссякли.

Я подумал: нужно найти что-нибудь невозможное. Мне начинало казаться, что я и в самом деле это сделал.

– Черт! – повторил я еще раз, и это опять не помогло. – Должен найтись какой-то способ. Проклятье! Всегда есть способ.

Я обвел взглядом комнату, на самом деле ничего не видя. Комната была маленькая и тесная, но в настоящее время она меня устраивала. Кровать, компактный холодильник, электроплитка и за потрепанной занавеской раковина и унитаз. Комната находилась в старом доме к югу от Уильямсберга, и пахло в ней, как в общественной уборной. Но, черт возьми, бывало и хуже! Я могу привыкнуть к чему угодно, к тому же сюда никто не приходил. Я заплатил смешные деньги за три месяца аренды с гарантией того, что меня оставят в покое, дав возможность «закончить свою книгу».

До моего появления эта комната была так себе. Сейчас она стала намного хуже. Создавалось впечатление, что студенческий кампус соревновался с инди-группой на проведение самой безумной вечеринки. Борьба была упорной, и победил мусор. Для меня такая обстановка не была обычной. Мама воспитала во мне привычку к чистоте и порядку. Все намного упрощается, если можешь легко найти нужный предмет. Но, разрабатывая план, я становлюсь другим человеком. Я даже не замечаю того, что меня окружает.

С одной стороны, это хорошо, но я превратил комнату в большой мусорный контейнер. Повсюду были разбросаны груды грязных тарелок, коробок из-под пиццы, консервных банок, бутылок и оберток – повсюду, за исключением моего письменного стола и еще одного места. В углу у входной двери стояла вешалка, какую можно увидеть за кулисами театра. На ней была развешена одежда людей, в которых я превращался, чтобы обследовать музей Эберхардта: костюм из сирсакера, размеров на восемь больше моего, груды грязных лохмотьев, густая борода, рабочий комбинезон, а также несколько более привычных предметов одежды. Рядом с вешалкой стоял столик с разложенными на нем предметами: очки в яркой оправе, пара париков и так далее. Все это тщательно хранилось на тот случай, если понадобится до окончания дела.

Но похоже было, это дело закончилось, не успев начаться.

– Дерьмо! – воскликнул я, но, поскольку ненавижу повторяться, добавил: – К черту дерьмо!

Пожалуй, я произнес это слишком громко, но мусор поглотил шум.

Так или иначе, это не помогло. Мое серое вещество ничего не вырабатывало. Ничего не происходило, но ДОЛЖНО было! Всей душой, если она у меня есть, а я, похоже, сомневался в этом, я безоговорочно верил, что, какова бы ни была цель, всегда есть способ ее достичь. Я вовсе не отношу себя к оптимистам нового времени, возвращенным на коричневом калифорнийском рисе. До сих пор жизнь у меня была суровой, часто жестокой, начиная с самого детства.

Многое из того, что я пережил, даже далай-ламу избавило бы от розового оптимизма. Так что у меня не было ни заблуждений, ни иллюзий, ни замешательства в отношении реальной жизни. Это чертов бардак, настоящая куча говна! В основном жизнь – это отстой, а в конце ты подыхаешь. Но я также верю – нет, на хрен, абсолютно точно знаю! – в какую бы яму с дерьмом тебя ни сбросила жизнь, всегда есть выход. Всегда. Это моя единственная вера: всегда есть выход.

Но это? Музей Эберхардта? Если и был вход в него, я его не нашел. Обычно это было все равно что прищипорить чистокровного коня. Это подстегивало меня, заставляло придумывать что-то новое, чего никто другой не мог предвидеть. Вот что заставляло меня продолжать. Вот кем я был: Райли Вулфом, парнем, который никогда не сдается и всегда выигрывает. Райли Вулфом, воспринимающим каждое препятствие как вызов к подвигу. Райли Вулфом, величайшим из когда-либо живших воров. Я всегда находил способ – всегда – получить то, к чему стремился.

До сегодняшнего дня.

Я не мог стащить эту вещь, не пробравшись в помещение, где она хранилась. И на сей раз способа попасть внутрь не было. Ничего.

– Ничего *пока*, – бубнил я. – Всегда есть способ... Должен быть...

Я изо всех сил старался поверить, что такой способ есть. И я найду его. Должен найти. И наградой мне будет не только невероятно жирный куш. Дело во мне самом. Если я не сумею этого сделать, то перестану быть *собой*. Потому что дело совершенно, на хрен, невыполнимое, а значит, я должен его проверить, что бы Они ни говорили.

Кто такие Они? Те, кто говорил мне, что я не смогу сделать что бы то ни было. Они всю жизнь твердили мне это, с самого детства. Я рос, и вещи, которые Они считали для меня невыполнимыми, все усложнялись, а я продолжал их делать. Всегда у меня на пути вставал какой-нибудь богатенький толстозадый придурок, который говорил, чтобы я отступился и проваливал в свой Лузервиль с другими босяками. Это не имело значения. Я находил путь. Я справлялся. Всегда, с того времени, когда я по своей молодости и глупости позволял этим жирным мордам втягивать меня в опасные безумные трюки, на которые я, по их словам, не был способен. Всегда, с самого первого раза, я находил путь и возвращался, чтобы стереть глупую ухмылку с их жирных морд.

Но на этот раз...

Я с раздражением выдохнул и закрыл глаза. Ничего не приходило на ум. Никаких мыслей о чудесном ключике, открывающем двери Эберхардта. Я видел лишь смертельные препятствия, несокрушимые стены и себя, стоящего снаружи, не знающего, как войти. Меня это здорово бесило. Моя кожа сморщилась, я чувствовал себя ничтожным, глупым и грязным, как будто меня запихнули в ящик и закрыли его, и мне не хватает воздуха, я не могу пошевелиться, и мне ничего не остается, как свернуться калачиком и ждать, когда меня покинет жизнь. Я был маленьким оборванным мальчуганом, загнанным в ловушку, окруженным большими, чистыми, хорошо одетыми мальчишками, которые ухмылялись, толкали меня, говоря, что я даже хуже грязи на их ботинках и всегда буду ничтожеством.

Давай, оборванец, вали отсюда, возвращайся в свой трейлер.

Это по-прежнему доставало меня, словно только что случилось. Я опустил голову. Я ощутил горечь во рту, и в животе у меня забурлило, поскольку получалось, что они правы и я ни на что не способен, словно я опять оказался в самом начале. Просто мальчуган без ключика...

– Вот так-то, сынок, – сказал мой отец. Мы сидели на траве во дворе. Нас обвеивал легкий ветерок, остужая потные после игры в догонялки лица. – Люди – бараны.

Я взглянул на него. Я вроде как понимал, о чем он говорит, но...

– Все, папа?

Он улыбнулся:

– Ну-у-у... есть небольшое количество пастушьих собак – знаешь, чтобы бараны не разбредались. Но большинство людей... Угу. Просто бараны.

– А ты... ты – баран, папа?

Повернувшись, отец взглянул на меня с ленивой улыбкой.

– Нет, сынок. Я определенно не баран. – Он взъерошил мои волосы. – Но и не пастушья собака.

Я нахмурился, пытаюсь уразуметь сказанное.

– Почему же тогда люди просто остаются баранами?

– Так надежнее, – ответил отец. – Отбиться от стаи может быть опасно. – Папа посмотрел куда-то вдаль. – Очень опасно, – тихо повторил он.

– А ты сейчас... гм... в опасности? – спросил я.

Продолжая смотреть вдаль, отец кивнул:

– Почти наверняка.

Я почувствовал комок в горле. На следующий день был мой день рождения – десять лет! – и я не хотел, чтобы случилось что-то опасное с папой или со мной... не перед вечеринкой.

– Тогда почему? – спросил я. – Почему ты в опасности?

Отец очень серьезно взглянул на меня:

– Это цена, которую приходится платить, сынок. Если хочешь чего-то по-настоящему хорошего, то приходится время от времени класть голову на колodu для рубки мяса. Но в целом это лучше, чем быть бараном. – Отец положил руку мне на плечо и сжал его. – Ты тоже старайся не быть бараном...

Я не совсем понял, что хотел сказать отец, по крайней мере тогда, но все-таки ответил:

– Я постараюсь.

А потом вдруг отец исчез, так и не объяснив мне, как не быть бараном. Мама тоже этого не знала, и все стало плохо. Не успев ничего сообразить, я оказался среди мальчишек, которые запугивали меня и смеялись надо мной, и я ничего не мог поделать, потому что они были больше меня и их было много. Они толкались все сильнее и говорили громче, а я все больше пугался, в душе призывая хоть кого-нибудь на помощь, но никого рядом не было, я был один против целой стаи... и они все больше распалялись.

И тогда я вдруг понял, что имел в виду папа.

Я всмотрелся в лица вокруг себя, перекошенные от притворной злобы, – и увидел лишь баранов.

Это не были по-настоящему крутые парни. Мальчишки, испуганные мальчишки, которые толкали меня и издевались надо мной, потому что думали, им это можно. Потому что их была целая куча, а я был один. Потому что, черт возьми, они были всего лишь баранами, а бараны так себя и ведут! Они набрасываются на того, кто слабее их, кто отличается от них, чтобы не так обидно было чувствовать себя бараном.

Именно в тот момент, находясь там, я понял, что не был одним из них, что никогда не стану одним из них, что даже и пытаться не буду. Я и не пытался, так как не хотел стать одним из них.

И тогда я стряхнул чью-то руку со своей груди. И улыбнулся. Я сразу понял: они забеспокоились, даже немного испугались, так как это означало, что я не баран.

В тот момент все изменилось.

На свет появился Райли Вулф.

– Ладно, – произнес я. – Я это сделаю. Но это будет дорого вам стоить.

Самый большой, самый громкий и больше всех похожий на барана подошел ко мне ближе.

– Ты это сделаешь, оборванец? Спустишься в старую каменоломню? – пихнув меня, спросил он.

На этот раз я пихнул его в ответ. Большой баран в изумлении отступил назад.

– Я сказал, что сделаю, – значит сделаю. И я принесу снизу заднюю фару от «студебекера». Для доказательства. – Я снова пихнул мальчишку. – Но это. Будет. ДОРОГО вам стоять.

Большой парень засомневался:

– Ты не сможешь спуститься в старую каменоломню. Все, кто пробовал, погибли.

И это было правдой, или, по крайней мере, так говорилось в местной легенде. Старая каменоломня была тем местом, куда родители запрещали ходить детям. Смертельная ловушка – сотня футов отвесно вниз со стенами из мягкого крошащегося камня. А на дне – ничего, кроме озерца грязной воды. Много лет назад кто-то столкнул туда автомобиль – «студебекер-ларк» 1958 года. Задняя часть машины вызывающе торчала из воды – мишень для лучших метателей камней.

– Никто не может туда спуститься. Слишком опасно, – произнес один из баранов, и остальные закивали.

– Но тебе нельзя потерять деньги, так ведь? Поглядим.

– Это невозможно, – сказали они.

– Всегда есть возможность, – впервые произнес я эту фразу.

И тут же осознал, что это правда, ДОЛЖНО быть правдой. Это полностью объясняло, как не стать бараном. Наверняка это опасно. Так говорил отец, и он был прав. Спуск в каменоломню был адски рискованным. Но спуститься можно. Возможность есть. Она бывает всегда. Это основной закон жизни для любого, кто мог ухватиться за него и поверить в него. И я поверил, и осознание этого подняло меня высоко над блеющими баранами, над дерьмовым трейлером и всеми голодными мечтами, которые я подавлял в себе, поскольку они никак не могли сбыться. Но теперь-то я знал. Возможность была. Должна была быть.

– Всегда есть возможность, – повторил я.

И путь нашелся. В эту смертельную ловушку, в каменоломню, имелся путь вниз, и я отыскал его. И бараны заплатили мне. Почти сто долларов, огромная сумма по тем временам. Я все еще помню выражение маминого лица, когда я принес ей деньги. Когда она считала их, лицо ее медленно расплывалось в улыбке.

– О господи! – воскликнула она. – Мы заживем жизнью Райли.

Она любила шутить на этот счет.

– Заживем жизнью Райли.

Тогда я не понимал, что она имела в виду, но имя мне понравилось. И я оставил его себе.

Еще я сохранил в себе сознание того, что всегда есть выход. Все эти годы между тем первым разом и настоящим я ставил свою жизнь на кон. И все ради того, чтобы достать дурацкую заднюю фару от «студебекера-ларк» 1958 года. Здорово было брать у пацанов деньги – лучше, чем просто иметь деньги, потому что они были жирными глупыми баранами, у которых имелось много такого, чего не было у меня. Мне казалось даже, что, забирая деньги или что-то другое у подобных людей, я делаю доброе дело. Но как бы приятно ни было получить деньги, больше мне нравилось что-то другое. Просто увидеть выражение на их лицах, когда я доказывал им, что очень даже *могу*, мать вашу!

Это чувство осталось со мной. И оно крепло. Всегда было здорово отнять что-то у богатого барана. Они думают, что заслужили иметь то, чего нет у других, поскольку у них есть деньги. А мне больше всего хотелось завладеть не просто имуществом или деньгами, а имуществом и деньгами богатых баранов. Не важно, насколько хорошо они охраняли свое богатство, – я всегда находил его и забирал то, что мне было нужно.

Но на сей раз... Где выход? Что еще я могу испробовать? Что я упускаю? Где та единственная штука, о которой никто не догадается – никто, кроме Райли Вулфа?

Давай, оборванец, вали отсюда, возвращайся в свой трейлер.

Эти голоса продолжали звучать у меня в голове все громче, все язвительнее. Они пытались внушить мне, что я срежусь, – и я знал, что так и будет, потому что я был просто оборванцем, нищим из трейлера и навсегда им останусь...

Я взял музейную брошюру и вновь пролистал ее: «...основан в 1889-м... уникальный пример влияния Стэнфорда Уайта... им по-прежнему владеют и управляют потомки Эберхардта, играющие активную роль... во всем мире признан одним из прекрасных...»

– Дерьмо! – в последний раз выругался я.

Я сотни раз просматривал эту брошюру. Слова не изменились, и они по-прежнему не сказали мне ничего нового. Я с отвращением смял брошюру. Долбаные Эберхардты и их долбаный семейный музей! Богатые ублюдки, на хрен! Именно тот тип привилегированных мерзавцев, гнусных баранов, который я больше всего ненавидел. Не просто богатеи, а богатеи, унаследовавшие деньги, – они ничего не сделали, чтобы заслужить богатство. Даже находясь далеко от них, я почти чувствовал их самодовольство. Такого рода людишки были моей любимой мишенью, и потому, оказавшись в тупике, я еще больше злился. Идеальная мишень, скажочное богатство, а я не мог взять старт.

Я отшвырнул в сторону скомканную брошюру, и она упала на большую грудку других смятых бумаг. Я испробовал все подходы, каждый возможный угол, и у меня не осталось ничего, кроме кипы скомканной бумаги и головной боли. Я говорил себе, что чертовски хорош в своем деле, что я лучший, и если я не нашел возможность, то, вероятно, на сей раз ее нет. От этого лучше мне не стало. Мучения доставляли гораздо больше боли, чем разочарование от потери большого куша.

Я горестно вздохнул и откинулся на спинку кресла, запустив пальцы в свои темно-русые волосы на макушке, коротко постриженные, чтобы подошли парики. До сих пор они подходили, и переодевания были почти идеальными, но ни к чему не привели. Эберхардты оказались чересчур умными, чересчур дотошными. Они настолько плотно запечатали музей, что единственным возможным способом попасть туда было купить билет.

Я испустил еще один глубокий вздох и попытался сосредоточиться. Чувство досады не помогало. Оно сверлило мне мозг. Нужно было отбросить всю эту чепуху, ослабить внутренние зажимы. Расслабиться и добавить креатива. Я надел наушники «Бозе», висевшие у меня на шее, и взял MP3-плеер. Он страшно дорогой, совсем не такой, как айпод. На нем записаны сотни часов необходимой мне музыки всех времен и всего мира. Мне наплевать на музыкальные жанры. Познакомившись с музыкой, я сам выбирал то, что мне нравится, и не придавал значения тому, рэп это, рок или даже бибоп. Мне важно лишь, чтобы музыка была хорошей. Бывают моменты, когда слушаешь даже баийскую песню обезьян. Итак, мой плеер очень дорогой, но он лучший из всех, и для меня это было важно. Деньги нужны для того, чтобы их тратить, и я никогда долго не раздумывал. К тому же я добывал много денег, и мне это было несложно. Я увеличил громкость и нажал «Play».

И сразу меня затопила музыка – «In a Silent Way» Майлза Дэвиса. Идеальный саундтрек для того, чтобы отвлечься от проблем и успокоиться, и тогда само собой придет решение относительно Эберхардта. Мне надо было просто расслабиться. Я закрыл глаза и унесся мыслями куда-то далеко. Забудь про музей, забудь про охранников, пусть все идет своим чередом...

Дует ласковый ветерок, и папа сжимает мое плечо: «Старайся не быть бараном, сынок».

«Постараюсь», – говорю я, хотя не понимаю, что это значит. А потом нас зовет мама с порога большого викторианского дома, и мы идем вместе по широкой лужайке на ужин, входим в этот большой чудесный старый дом, МОЙ дом. А когда я вхожу туда, папа исчезает, а дом превращается в старый обшарпанный трейлер. И мама плачет, и в холодильнике пусто, так что ужина нет, и нет денег, и мама все плачет. Тогда я понял, что должен что-то сделать, и я это сделал, но не хотел, чтобы так вышло, а потом он все падал, падал, крутился и

бесконечно падал, а я лишь стоял и смотрел, как он падает – крутится и падает, и теперь уже я падаю, медленно кружусь и падаю и не могу...

Вздрыгнув, я проснулся. Я пытался стряхнуть с себя дурман этого гнетущего ощущения, но безуспешно. Проклятые Эберхардты с их унаследованными миллиардами и электронными системами победили меня. А что до двери, в которую якобы можно войти, забудь об этом. Ты не сумеешь подкупить спецназ, или «Тибыурон», или, упаси бог, стражей исламской революции. И даже старший персонал музея был в основном из толстозадых членов семьи Эберхардт. Вся чертова семья титулованных недоумков-баранов только и делает, что сидит на толстых задницах, подсчитывая унаследованные барыши и отгоняя чужаков, так что проскочить мимо них невозможно, если только...

Словно что-то тяжелое ударило меня в голову, но ощущение было отличное. В самом деле, охренительно ЗДОРОВО!

– Выход есть, – вслух произнес я. – Черт меня подери, ВЫХОД ЕСТЬ!

Вскочив с кресла, я разворошил груды смятых бумаг и отыскал музейную брошюру. На столе я аккуратно разгладил ее и прочитал на этот раз медленно и внимательно.

Закончив читать, я с минуту просто сидел и ухмылялся. Вот оно! Я действительно отыскал его прямо здесь, блин! И это было так очевидно – и в то же время совершенно невероятно, твою мать! – и только Райли чертов Вулф мог разглядеть его, не говоря уже о том, чтобы попытаться.

Он был здесь. Я нашел выход.

Я переключил музыку на что-то более бравурное – «Зигги Стардаст» Дэвида Боуи. И когда первые гитарные аккорды взорвали мои наушники, я откинулся назад и снова закрыл глаза, но теперь я работал. И, начав анализировать детали, я продолжал улыбаться.

– Всегда есть выход, – сообщил я долбаным богатым мудакам Эберхардтам. – Всегда.

Я стряхнул с себя остатки удушливого дурмана и воспоминаний о трейлере и принялся за разработку плана.

Глава 5

Через два дня, отправляясь к Моник, я по-прежнему был в ударе. Я намеревался выполнить свой план. А Моник была существенной частью плана. И его завершения, когда мы попадем на место. *Если* попадем, подумал я. Но я отогнал от себя эту мысль. Найдя решение, я здорово приободрился и не хотел сомневаться. Здорово было также, что появился повод повидаться с Моник.

Как и всегда, я на минутку остановился и заглянул в окно Моник. Глупо, я знаю, но не смог удержаться. На самом деле я не какой-то Подглядывающий Том, разве что с Моник. Отчасти потому, что она привыкла писать картины обнаженной и на это стоило посмотреть. И за исключением одной потрясающей ночи, которая, по ее словам, больше не повторится, мне не доводилось видеть подобное.

Это очень печально, ведь, как я сказал, на Моник стоит посмотреть. Ей двадцать восемь. У нее стройная фигура, одна из тех, которые в одежде не производят сильного впечатления, в особенности если одежда эта – заляпанный красками неизменный комбинезон. Но как я обнаружил тем чудесным вечером, когда комбинезон был сброшен, тело Моник – настоящая игровая площадка. Его изгибы неуловимы, но они так грациозны, что невозможно удержаться и не начать обследовать их. Ее кофейная кожа на ощупь напоминает атлас. У нее полные чувственные губы, на вкус как лесные ягоды. А когда она заводится...

Во всяком случае, ту ночь я никогда не забуду. И клянусь, найду способ повторить ее.

Глядя на Моник сейчас, я видел, что она стоит перед мольбертом, к сожалению одетая. Волосы у нее были забраны наверху в пучок, и, зажав в зубах кисть, она хмурилась на стоящую на мольберте картину в стиле импрессионизма. На мониторе компьютера слева от нее я увидел увеличенный фрагмент оригинала. Мельком взглянув на него, она опять перевела нахмуренный взгляд на мольберт. Я не сомневался, что долго хмуриться она не будет. Она разберется с проблемой. Моник всегда справляется. Поэтому она чертовски успешна в своем деле!

Моник – копиист художественных произведений. Действительно хороший копиист.

Может быть, лучший в мире.

В свое время я проверил ее биографию. Следует знать о людях, с которыми имеешь дело, чтобы не угодить в тюрьму. Я точно знаю: у Моник поначалу и в мыслях не было якшаться с дурными людьми вроде меня. Она родом из уважаемой семьи, жившей в Питтсбурге, мать – педиатр, отец – известный профессор этики в университете. Моник сразу поступила в Гарвард для получения ученой степени по истории искусств, которой увлекалась. Но после нескольких занятий в студии выяснилось, что у нее настоящий талант к живописи. К тому же у нее проявились гениальные способности к имитации других художников.

Спровоцированная своим бойфрендом Роном, Моник сделала на спор почти идеальную копию одной из картин из Музея Фогга в Гарварде. Она выбрала картину Ренуара «У модистки». И поскольку она была немного тщеславной и обладала весьма необычным чувством юмора, то подписала ее своим именем, замаскированным под подпись Ренуара.

План Моник состоял в том, чтобы тайком пронести свою копию в Музей Фогга и оставить ее рядом с Ренуаром – просто шутка, проказа, забавный способ сказать: «Посмотрите, что я могу!» И она именно так и поступила. Прислонив свою копию к стене под оригиналом, она выскользнула из музея, никем не замеченная.

Или так она считала. Но сразу после этого кто-то пришел в музей и забрал оригинал, повесив на его место копию Моник.

Только через неделю в Музее Фогга обнаружили подмену. Всего через три дня сыщики расшифровали по подписи имя Моник и нашли ее. Им совсем не было смешно. Как не было смешно Музею Фогга или университету – и судье тоже. Я догадывался, что судья из Южного

Бостона подозревал чернокожую девушку в попытке мошенничества. А ее бойфренд Рон? Он был весьма полезен – полиции. Он сказал им, что да, Моник написала копию и пронесла ее в Музей Фогга, а что она сделала с оригиналом, ему неизвестно. Ну разве любовь не прекрасна?

Так что все улики были против нее. Этого оказалось больше чем достаточно. Моник исключили из университета, приговорили к тюремному сроку, ославили. Даже ее родители, нанявшие хорошего адвоката, потом умыли руки. Оказывается, они были вроде как карьеристами, даже ее отец. Вот вам и этика.

Через полгода Моник освободили из тюрьмы. Рона, ее разговорчивого бойфренда, задержали при попытке продать «У модистки», настоящую, секретному агенту ФБР. «Я договорился на соучастие второй степени и подделку, – сказал адвокат Моник. – Вы свое уже отсидели, но в досье остается судимость за уголовное преступление. Это лучшее, что я мог сделать».

Родители на удивление дожидались ее. Они подарили ей чек на 10 000 долларов на «обустройство», сказав, чтобы она больше им не звонила.

Несмотря на все удары, сыпавшиеся ей на голову, Моник была благодарна. Потому что из этого опыта она усвоила три весьма важных жизненных урока: никогда никому не доверяй; не жди, пока тебя надуют; и любовь – это отстой. И когда до нее это дошло, она была готова играть в команде Райли.

Как все великие игроки, она нашла собственный путь на темную сторону. Она взяла деньги у мамы с папой, переехала в Нью-Йорк и на эти деньги открыла студию. А потом она занялась бизнесом, делая то единственное, в чем преуспела и что могла делать, имея судимость.

И она начала это по-умному. Она долго разнюхивала обстановку, пока не услышала о владельце галереи, который, предположительно, продавал копии по ценам подлинников, разумеется не сообщая об этом клиентам. Моник пролистала каталог этого галерейщика, в качестве визитной карточки выполнив две блестящие копии, – и ее карьера была запущена. Она дополнительно занялась скульптурой и предметами искусства, поскольку этот сегмент рынка, похоже, никем не был охвачен. Она преуспела в этом так же, как и в живописи. Ее копия Дуду-писца, шумерской вотивной фигурки, была бесподобной. Итак, с помощью предметов искусства и картин она зарабатывала чертовски хорошие деньги и создавала себе репутацию. Я нашел ее, и это здорово помогло нам обоим, особенно в финансовом отношении. Немало денег я положил ей в карман.

Наши отношения развивались. Оказалось, у Моник тоже была страсть к костюмам. Она стала помогать мне с моими маскарадными костюмами, стараясь, чтобы они соответствовали каждому моему персонажу. А аксессуары? Признайте, что это не мужское дело. Я не смог бы продумать все как надо. А Моник могла. Она гениально разбиралась во всей этой фигне – часы, галстуки, портфели и особенно обувь. Теперь я во всем этом полагался на нее. И может быть, чересчур сильно полагался? Вы скажете, что я слишком недоверчив, но дело в том, что я не могу себе позволить быть доверчивым. Ты доверяешь человеку в этой игре – кому угодно, – и рано или поздно он закладывает тебя.

Так что, по сути дела, я не доверяю Моник, но чертовски близко стою к тому, чтобы доверять. Так или иначе, в ее же интересах, чтобы я продолжал работать. Потому что, как я сказал, она помогает мне, а я помогаю ей делать деньги. Время от времени она даже позволяет себе брать работу из любви к искусству.

Как, к примеру, полотно на ее мольберте. Мне стало так грустно при мысли о Моник, работающей над этой картиной, что я наконец сдвинулся с места. Понимая, что это не послужит мне во благо, я проник в комнату и встал у нее за спиной так близко, как только мог, но не касаясь ее. Не касаться было трудно – от нее пахло смесью масла пачули с корицей, а изгиб ее обнаженной шеи был всего в нескольких дюймах от меня. И если бы я простоял так чуть дольше, то куснул бы ее.

– Надо бы взять кисть потоньше, – тихо произнес я прямо ей в ухо, и Моник подпрыгнула почти на фут.

Это было классно.

– Господи, твою мать, Райли! – вскрикнула она, повернувшись ко мне с поднятой кистью, словно собиралась заколоть меня. – Как, на хрен, ты попал сюда?!

– Окно было открыто, – пожал я плечами.

– Конечно открыто, блин! Почему долбаное окно не может быть открыто? Мы на чертовом двадцать пятом этаже!

– Очень приятное восхождение, – заметил я.

Так и было. Никакой реальной опасности, так что я мог расслабиться. Немного помечтать.

– Господи, твою мать! – повторила Моник. – Опять ты со своим долбаным *паркеем*.

– Это *паркур*, – поправил я не в первый раз.

– Какая разница! – огрызнулась она. – Завязывай с этим. Зачем заниматься такой фигней?

– Ну-у-у, – чуть улыбнувшись, протянул я. – Мне нравится делать тебе сюрпризы.

– Тогда в следующий раз сделай мне сюрприз и позвони в чертову дверь, как любой другой, ладно? Я больше не пишу картины в голом виде – благодаря тебе.

– Весьма прискорбно. Твоя работа теряет какое-то дополнительное измерение.

– Лучше бы ты исчез в этом дополнительном измерении! У меня случится сердечный приступ, если ты продолжишь в том же духе. – Чтобы успокоиться, Моник с шумом выдохнула. – Вот блин! Ну ладно, что у тебя на этот раз? Я вроде как занята.

– Занята, Моник? Правда? – Я поднял бровь и кивнул в сторону полотна. – Занимаешься Мэри Кассат? То есть...

– А не пошел бы ты, Райли! Ты ни фига в этом не смыслишь.

– Извини, – отозвался я.

Но в сущности, я очень даже в этом смыслил. Прежде всего, я понимал, что Мэри Кассат – второй сорт и не стоит потраченного Моник времени.

– Как бы то ни было, она мне нравится, – словно оправдываясь, возразила Моник. – Она была родом из Питтсбурга, как и я.

Моник сердито уставилась на меня, словно подначивая сказать, что Питтсбург не то место, где появляются великие художники. И, честно говоря, эти слова уже вертелись на кончике моего языка, но я не дурак, поэтому прикусил язык.

– И какого черта, Райли! Ее просто не оценили по достоинству. А все потому, что она женщина. Ты посмотри на детали, колорит! – завопила она, указывая на монитор. – Каждый чертов фрагмент не хуже, чем у Дега!

– Возможно. Но никто больше так не считает, и на копировании Кассат реальных денег не заработать.

– А мне по фигу! Мне нравится это делать! – возразила она. – И я делаю это для уважаемого дизайнера, который платит вперед!

– Уважаемый? Правда? – Я не смог удержаться от чуть насмешливого тона. – Уважаемый дизайнер по интерьеру?

– Верно! С этим что-то не так?

– Едва ли, – пожал я плечами. – Хотя не думаю, что можно быть уважаемым человеком и при этом продавать подделки.

– Мои подделки стоят того, сколько за них платят, – сказала она.

– А богатые ублюдки заслуживают этого. Полностью согласен, ты же знаешь, Моник. И твоя живопись потрясающая, обычно лучше оригинала. – Может, я немного хватил через край,

но это была правда. – Просто я считаю, что при твоих талантах и работоспособности ты могла бы зарабатывать больше.

– Я зарабатываю кучу денег.

– На Кассат! – фыркнул я. – Перестань, Моник, Кассат не приносит много зелени.

– Но, черт тебя подери, должна! Только потому, что она была женщиной...

– Возможно, – отозвался я, но я знал, что ее зацепило. – Пойми, не в твоих силах изменить рынок. И я уже говорил, тебе не стоит разменивать свой талант на мелочовку.

Моник закатила глаза:

– Хочешь сказать, у тебя есть что-то достойное моего невероятного, уникального таланта? И всегда на первом месте Проект Райли Вулфа?

С минуту я смотрел на нее, не вполне уверенный, язвит ли она. В отношении меня – определенно. Но я не знал, действительно ли она понимает, насколько хороша как художник. А по моему мнению, она и в самом деле была лучшей. Именно по этой причине я принес ей нечто такое, что должно было стать самым серьезным вызовом, когда-либо стоявшим передо мной. Собираясь осуществить это дело, я должен был иметь самое лучшее. Другая причина состояла в том, что Моник мне нравилась. Большинство людей мне не нравятся. Это контрпродуктивно. То есть если бы Моник не нравилось ее занятие, а я бы использовал ее, потому что питаю к ней слабость, то чертовски быстро оказался бы в тюрьме. Ведь всегда дело в «друзьях». Я хочу сказать, кто еще знает достаточно, чтобы вывалить вас в дерьме? Никто в таком не признается, но это правда: нет смысла иметь друзей, потому что им надо доверять, а это не работает.

– Итак? – спросила Моник. – Что тебе нужно такого, на что способен только великий художник вроде меня?

Я улыбнулся. Я не сомневался, что она попалась на крючок.

– Это. – Я бросил фотографию на ее компьютерный стол. – И это.

Вторая фотография.

Моник бросила беглый взгляд на фотографии, а потом посмотрела на меня, качая головой:

– Раушенберг и Джаспер Джонс. Я могу сделать каждую за неделю – и могу назвать четверых в городе, кто может это сделать. К тому же дешевле.

Я широко улыбнулся акулей улыбкой. Было заметно, что Моник стало не по себе.

– Я могу назвать семерых, почти таких же хороших, как ты, – парировал я.

– А пошел ты, Райли!

– Моник, я сказал *почти*. А ты знаешь, я не делаю *почти*.

Моник тоже взглянула на меня. Она увидела, что я говорю серьезно, и по какой-то непонятной причине это вызвало у нее улыбку.

– Знаю, – произнесла она более мягко, и от ее тона во мне закипела кровь. – Это одна причина, почему я с тобой мирюсь.

Она ничего не делала, просто смотрела на меня и улыбалась, но мне было впору бить копытом и храпеть.

– А другие причины?

– Деньги – это хорошо, – ответила она. – А ты никогда не проигрываешь.

Я сглотнул. Горло свело до боли.

– Что-то еще?

– Конечно. – Она улыбнулась с некоторым злорадством. – Когда-нибудь ты проиграешь. Я бы хотела это увидеть.

Ее слова меня задели. Какого черта?! Она хочет увидеть, как я погорю?

– Какого хрена, Моник! Почему?

Она дернула плечами, но продолжала улыбаться:

– Вполне естественно. Всем хочется посмотреть, как облапошат самоуверенного ублюдка.

– Самоуверенный ублюдок. Спасибо, это так мило.

– Зато точно. Только потому, что ты всегда находишь способ провернуть дело, то есть действуешь так, будто это данность. – Она с минуту молча смотрела на меня. Я не знал, хочется ли мне вlepить ей оплеуху или поцеловать. Наверное, и то и другое. Потом она пожала плечами. – Во всяком случае, по большей части я хочу, чтобы ты продолжал выигрывать. Если только, – добавила она, поднимая идеальную, заляпанную краской руку, – на спор.

Теперь улыбнуться пришлось мне.

– Рано или поздно я это тоже выиграю.

– Не выиграешь. Не сумеешь. – Она щелкнула по двум снимкам пальцами, потом нахмурилась и наклонила голову. – Райли, тебя ведь обычно не интересует эта современная фигня. Что случилось?

На какой-то миг я переключился с Моник на желанную добычу.

– Что-то большое. *Громадное*, – сказал я. – Господи, Моник, когда я проверну это дельце – будь оно проклято! – все навсегда изменится. Это...

– Копия Джаспера Джонса изменит все навсегда? Райли, этого не может быть.

– Может, – возразил я. Я говорил в сильном возбуждении, и часть его, вероятно, передалась ей, потому что она стала покусывать губы и глаза ее округлились. – Эти картины всего лишь начало, подготовка почвы. Но к чему они приведут меня, Моник, что помогут мне осуществить эти две унылые современные работы... Господи Иисусе, это будет что-то потрясающее!..

– Ох! – вскрикнула Моник.

Сам того не осознавая, я схватил ее за запястья и, наверное, сильно сжал их. Я отпустил ее руки.

– Это грандиозно, Моник. Офигенно грандиозно!

Она потеряла свои запястья и снова посмотрела на фотографии, а потом дернула плечами. Легкая работа.

– Когда они тебе понадобятся?

Я натянуто улыбнулся:

– Скоро. Вероятно... через три недели.

– Вероятно?

Я покачал головой:

– График, в общем-то, не высечен в камне. Но... – Я вдруг вспомнил о важной части. – О-о! Вот... – Порывшись в кармане, я извлек две маленькие вырезки из утренней «Нью-Йорк таймс». Каждая вырезка была не больше полоски с частью заголовка и сегодняшней датой. – Это очень важно, – сказал я, передавая Моник две газетные вырезки.

– Райли, какого черта!.. – Она перевела взгляд с вырезок на меня – не шучу ли я? Я не шутил. – Ладно, сдаюсь. Что я должна с ними сделать?

– Это самое интересное, – ответил я. – Ты клеишь одну полоску в каждое полотно – в нижний левый угол, левый, если смотреть на полотно. Это очень важно. Ключевой момент. А затем... закрашиваешь ее, прячешь. Но не слишком тщательно. Знаешь, так, чтобы ее не было видно, но если поискать – бац! Вот она!

Моник покачала головой:

– Какого хрена, Райли! То есть ты хочешь, чтобы люди догадались, что это подделки?

От души показав в зверином оскале все свои зубы, я кивнул:

– В этом, моя дорогая, и состоит вся долбаная фишка.

Моник не сводила с меня взгляда, но я больше ничего не сказал. Зная меня довольно хорошо, она понимала, что я не скажу, поэтому со вздохом покачала головой:

– Хорошо, конечно, почему бы и нет? Я сделаю две идеальные подделки и постараюсь, чтобы люди догадались, что это подделки. Но когда-нибудь ты, может быть, скажешь мне зачем?

Я лишь улыбнулся:

– Может быть. – Потом я сложил ладони вместе и напустил на себя серьезный вид. – Ну что? Сможешь это сделать?

– Гм, – хмыкнула Моник; я догадывался, что она немного обижается, раз я не хочу ей сказать. – Три недели?

– На всякий случай. Я уже говорил, трудно быть во всем уверенным. Ты ведь знаешь, как бывает с этими штуками.

– Нет, Райли, не знаю, так как понятия не имею, что это за штуки на сей раз.

Я лишь пожал плечами. Мы оба знали, что я ей ничего не скажу.

– Сможешь сделать?

Она внимательно посмотрела на меня, потом взяла фотографии.

– Что ж, – задумчиво произнесла она, – пару дней, чтобы закончить Мэри Кассат, потом по неделе на каждую из этих двух... то есть если ничего не сорвется.

– Что может сорваться? – возразил я. – У двоих, величайших в своем деле, что, черт побери, может сорваться, Моник?!

– Не знаю, – ответила она. – Из-за глобального потепления могут подскочить цены на краски. – Но она не смогла удержаться и еще раз попыталась расколоть меня. – Райли, эти картины – такая скукота! Неужели они действительно потрясут весь долбанный мир?

Я улыбнулся, вновь ощущая возбуждение:

– Скажем, эти картины помогут открыть дверь.

Моник устало покачала головой. Она знала, нет смысла выпытывать другие детали.

– Ладно. Отлично, мы откроем твою проклятую дверь. Три недели, обычные расценки. А что потом? Если твоя дверь действительно откроется?

Я ничего не мог с собой поделаться. Я действительно *чувствовал* это. И хотел, чтобы Моник почувствовала это вместе со мной. Я приблизился к ней на полшага, и она не отодвинулась. Мой взгляд замер на ней.

– Потом, Моник, – жарко замурлыкал я громким шепотом и увидел, как у нее на шее и руках волосы встали дыбом, – потом ты сделаешь для меня что-то удивительное, что-то невероятно впечатляющее, и с его помощью я устрою самое потрясающее исчезновение, какое когда-либо видел мир.

Моник задрожала. Она в упор смотрела на меня и на какой-то миг подалась вперед, ко мне. Но когда я качнулся ей навстречу, Моник встряхнулась и отступила назад. Потом вздохнула, всем своим видом показывая, что не даст увлечь себя животным магнетизмом и мелодрамой.

– И какое вознаграждение после всех твоих «если»?

Я почувствовал, как лицо у меня вновь расплывается в хищной улыбке.

– Восемь цифр.

– Неплохо, – отозвалась она.

– Это только твоя доля, Моник, – уточнил я.

На миг у нее перехватило дыхание. Она уставилась на меня, словно в ожидании какого-то намека на шутку. Но я, конечно, не шутил. Она это поняла.

– Боже правый, Райли! – после долгой паузы выдохнула она. – Что вообще может...

Я поднял руку:

– Это все предположения. Пока.

– Боже правый! – повторила она.

Она понимала, что нет смысла спрашивать что-то еще, и на минуту задумалась. Я видел, как поворачиваются у нее в голове колесики, и она принялась кусать губы. Делая это, она выглядела невероятно соблазнительной, и мне хотелось помочь ей. Но я сдержался. Я дал ей осмыслить – восемь цифр. Это означало... десять миллионов долларов? Двадцать? И тогда моя доля составила бы...

– Ради бога, – наконец не выдержала она, – ради всего святого, скажи, что может стоить сотни миллионов долларов? – (Я лишь покачал головой.) – Ты ведь имеешь в виду *доллары*? – подняв бровь, спросила она.

– Доллары, – радостно ответил я. – Наличка, отследить невозможно. Больше долларов, чем ты видела раньше или увидишь снова.

Моник судорожно вздохнула.

– Ну что? – спросил я. – Участвуешь?

– Черт, да! – ответила она хриплым голосом, в одном шаге от секса.

Меня как дубиной огрело. Я наклонился ближе к ней, и она тоже неосознанно пододвинулась ко мне. Такие деньжищи на кого угодно действуют. Еще ближе, и ее дыхание стало чуть прерывистым. А потом мое дыхание слегка коснулось ее лица, и на миг я уверился, что... но нет, черт побери! В последнее мгновение Моник повернула голову, и мои губы коснулись ее щеки. Я не сразу отнял губы от ее щеки, думая, может быть... но нет. Этого не случится. Я вздохнул и отступил назад.

– Ну тогда ладно, – сказал я, еще раз пристально посмотрев на нее, а потом повернулся и подошел к окну. – Увидимся через три недели.

– Райли, выходи через чертову дверь! – выкрикнула Моник, но было слишком поздно. Я уже выбрался из окна и был готов исчезнуть в ночи, но успел услышать ее слова, обращенные к себе. – Восемь цифр! Боже правый, Райли!

Глава 6

Ночной воздух был прохладен. Но после жара, испытанного рядом с Моник, не так уж и прохладен. Мне нужен был холодный душ. Ванна со льдом. Моник заводит меня, как никто другой. Но Первое Правило Райли: дело прежде всего.

Так что побереги эти мечты на потом. Из окна и прочь отсюда. На этот раз я поднимался наверх, легко залез на крышу. По краю крыши шел удобный приподнятый выступ, и я с минуту постоял на нем, вдыхая ночной воздух. Я был словно наэлектризован, чувствуя себя непобедимым великаном высотой двадцать футов. Дело не только в том, что я навестил Моник, хотя это само по себе было стимулом. Может, на этот раз даже более сильным, ведь, увидев ее, я как будто получил первое небольшое поощрение за план, по дерзости превосходящий любые мои прежние дела. Как ни странно, увидев ее и уговорив быть со мной в деле, я стал более уверенным в успехе. Блин, это должно получиться и стать моим величайшим достижением!

Итак, я простоял на крыше несколько минут, глядя на огни города и испытывая чистейший восторг. Говорите что угодно о любом другом месте. Нью-Йорк – величайший город на свете. Воздух здесь какой-то особенный. Просто вдыхая его, думаешь, что способен на великие дела. И черт меня побери, я их совершу!

Я еще раз глубоко вдохнул нью-йоркский воздух. А потом, предавшись чистейшему восторгу и энергетике, подбежал к дальнему краю крыши – и отправился в космос. Какие-то мгновения я летел, чувствуя, как мимо проносится воздух. Затем передо мной возникла соседняя крыша. Я уцепился за нее, перекатился через голову, предоставив инерции поднять меня на ноги, после чего полетел с края на следующую крышу.

Минут десять я носился по крышам, забирался по стенам, раз за разом прыгая в ночной воздух, на полной скорости проносясь по узким выступам крыш, а потом спускался со стен и вновь улетал в пространство. Я чувствовал себя Человеком-Пауком. На самом деле я просто хорошо владею паркуром. Это такой способ передвигаться по городу, словно ты действительно Человек-Паук, но без паутины. Паркур придумали французы. Забавно, что из Франции пришло много крутых, но очень странных штук. Я был там, видел паркур и знал, что должен научиться. Я сразу понял, что он может невероятно пригодиться в качестве орудия моего ремесла. Но пока я не освоил его в совершенстве, я и подумать не мог, как это офигенно *весело*. Паркур вызывает у меня ощущение, будто ночь и все в ней принадлежит мне. И это занятие поддерживает меня в идеальной форме, что тоже очень важно в моей профессии.

Я оторвался от души. Когда я наконец спустился на землю, в темный переулок, то восторг, заставивший меня предаться паркуру, перешел в тихую умиротворенность. Я направился в сторону подземки, продолжая думать о Моник. Не в профессиональном плане – я не волновался по поводу двух картин. Я знал, что она выполнит задание практически идеально. Она всегда так делала. Нет, я думал о той ночи, которую мы провели с ней два года назад. Не мог выбросить ее из головы.

Тогда я как раз провернул крупное дельце – не такое большое, каким будет нынешнее, но гораздо крупнее среднего. При содействии Моник все прошло идеально. На радостях мы напились, одно последовало за другим, и мы оказались в постели.

Секс – почти всегда хорошая штука. Это забава, терапия, отличная физическая разминка. Но в ту ночь было что-то еще. Мы делали то, что делают все, но почему-то оказались в совершенно новом месте. Угу, я действительно имею в виду «нас». Она тоже это почувствовала – я знаю. И естественно, я подумал: будет страшно здорово, если это будет повторяться на полурегулярной основе.

Моник не согласилась. Она сказала, что та ночь была ошибкой, случайным эпизодом, который не должен был произойти, и никогда больше не повторится. Я пытался убедить ее,

насколько это глупо. В конце концов, нам обоим это понравилось больше, чем с другими, верно? И я проявил настоящую настойчивость. Лучшее, что я мог придумать, – уговорить ее заключить пари.

Подумав о той ночи, я улыбнулся. «Всегда есть способ», – сказал я тогда. Пари было моим способом вновь оказаться в постели Моник.

Я зашел в винный погребок в нескольких кварталах от моей станции подземки. Мне нужно было купить бритву. Открыв дверь, я услышал сердитые крики. Два голоса: один – хриплый, с испанским акцентом, другой – высокий, совсем молодой.

У кассы стоял мужчина с пышными усами и большим животом, держа за волосы мальчишку и крича на него. Тощему пацану на вид было лет десять. Он изо всех сил пытался вырваться, теряя волосы и вопя в ответ. На полу у их ног были разбросаны пакет чипсов, два кекса «Литтл Дебби», бутылка «Гаторейда» и пригоршня снежков «Слим Джим».

Я сразу понял, что произошло. Пацана поймали на магазинной краже. А из слов, которые выкрикивал владелец магазина, следовало, что это было не в первый раз, но будет, черт возьми, в последний.

Не знаю почему, но я вдруг почувствовал, что на меня надвигается Тьма. Это случается, когда кто-то возникает у меня на пути или угрожает мне. Как будто Райли растворяется в тени, а существо, живущее в той темной туче, принимается за грязную работу. Блин! И надо же, чтобы это случилось именно сейчас! Из-за того, что жирный мужик орал на мальчишку? Почему это было важно для меня?

Замерев в дверном проеме, я пристально следил за происходящим. Владелец магазина вопил, пацан пытался вывернуться, но ко мне это не имело никакого отношения. Они могли убить друг друга, и это не имело значения. Я мог найти другой магазин и купить там бритву.

Но все же сценка казалась знакомой, и я пытался понять почему. После недолгих раздумий я вспомнил. *Это я сам несколько лет назад.* Ко мне вернулись мучительные воспоминания того времени, когда я проходил суровую школу жизни, совершая глупые ошибки. И да, конечно, меня не раз ловили на магазинных кражах, но ни разу на одном и том же.

Я оттолкнул от себя Тьму и просто наблюдал за потасовкой еще несколько секунд, вспоминая. Я понимал, что не стоит вмешиваться, что надо найти другую лавку. Но мальчишка вновь завопил, на сей раз от боли, а владелец сказал что-то про полицию. И тут во мне все перевернулось. Почти не отдавая себе отчета, я подошел к кассе и положил руку на плечо владельца.

Он сердито поднял на меня взгляд.

– Эй, пацан просто голодный, – сказал я. – Мы все голодали, верно?

– В этот раз он проголодался на двадцать пять долларов, – ответил раздосадованный владелец. – Он бывал здесь раньше. И кто знает, сколько раз?

Я залез в карман и вынул пачку купюр. Достал бумажку в пятьдесят долларов и положил ее на прилавок, выразительно подняв бровь. Мужик нахмурился:

– Говорю тебе, он был здесь раньше! И придет снова!

– Нет, не придет. – Я положил сверху еще пятьдесят долларов. – Я гарантирую.

Владелец взглянул на деньги, облизнул губы.

– Мне нужно вызвать копов, – сказал он, вдруг перестав сердиться.

Я видел, как на него действуют эти две крупные купюры. Это вызвало у меня улыбку.

– Нет, тебе не нужно вызывать копов. – Я положил еще одну бумажку в пятьдесят долларов на первые две, а потом, чтобы показать владельцу, что это все, убрал пачку в карман. – Ребята не должны ходить голодные, – добавил я.

Теперь глаза хозяина лавки были прикованы к деньгам.

– Я ловил его здесь и раньше, вот что.

– Он не вернется, – заверил я. – Лады?

Хозяин взглянул на мальчишку, потом на деньги. Три банкноты моментально исчезли.
– Убери его отсюда, – сказал он.

Наличка. Универсальное средство от всего.

Я взял парнишку за плечо и повел к двери. Он попытался вырваться. Он был сильнее, чем казался с виду, а может, просто был доведен до отчаяния. Из-за того что он дергался, я потерял равновесие и по пути сшиб пару стеллажей. Но наконец я провел его через дверь, и мы вышли на улицу. Я не сразу отпустил его. Заведя ему руки за спину, я довел пацана до угла и повернул направо. На боковой улице машин не было, и я остановился, прижал его к стене и стал пристально разглядывать. Мальчишка был тощий, недокормленный, вероятно, на несколько лет старше, чем мне показалось сначала. Возможно, двенадцать? Наверное, из Центральной Америки. Сальвадор или типа того.

– Как тебя зовут, парень?

– Монси, – угрюмо прозвучало в ответ.

– Где твоя мать?

Монси пожал плечами:

– Наверное, трахается с каким-нибудь чуваком, чтобы были деньги на наркоту.

– А отец?

– Хрен его знает, – ответил Монси.

Я лишь кивнул. Примерно такого я и ожидал. Я рос точно так же – крал, потому что голодал. Моя мать никогда не занималась проституцией, но для ребенка это примерно одно и то же. Я взглянул на него. Монси впервые посмотрел мне в глаза:

– Слушайте, мистер, мне плевать, сколько вы выложите долларов, я не стану заниматься этой фигней.

Ага, то же самое. В его возрасте я предположил бы именно это. Улица дает суровые уроки. Некоторые вещи не меняются. Покачив головой, я улыбнулся:

– Я не педофил, парень.

– Угу, конечно, сто пятьдесят баксов, потому что вы хороший мужик.

– Деньги – это легко, – произнес я.

Пацан сумел даже ухмыльнуться.

– Угу, а то как же, – пробурчал он и вытаращил глаза, когда я вытащил из-за пазухи пакет чипсов и пригоршню сэжков «Слим Джим». – Ни хрена себе... о-о! – уважительно произнес Монси. – Когда вы сшибли тот стеллаж?

– Смотри и учись, – сказал я. – И не возвращайся в этот магазин.

– Я не дурак, – отозвался Монси.

– Тогда перестань вести себя по-дурацки. – Я засунул руку в пиджак и бросил последнее – кекс «Литтл Дебби». Он поймал его, и я повернулся, чтобы уйти. – Пока, Монси.

Уходя, я чувствовал на спине его взгляд. Мне было наплевать. И мне было наплевать на сто пятьдесят баксов – это всего лишь деньги. К тому же приятно совершить доброе дело. А кроме того, я сумел сунуть в карман еще и бритву, не заплатив за нее. Второе Правило Райли: халява всегда лучше.

Глава 7

Спецагент Фрэнк Делгадо был необыкновенным человеком. Не из-за внешности – совершенно непримечательной. Ростом пять футов десять дюймов, коренастый, с темными волосами. Вы прошли бы мимо него по улице любого города в Штатах, даже не оглянувшись. Необычность Делгадо проявлялась в другой, менее заметной сфере.

Он не говорил ничего лишнего, держал мысли при себе, сохраняя каменное выражение лица независимо от обстоятельств.

Но, как спецагенту ФБР, ему недоставало многих особенностей, фактически относящихся к униформе. Его волосы были чуть длиннее, чем нужно, костюм никогда не был толком отглажен, он не мог нормально общаться с коллегами, другими агентами. Казалось, ему недостает автоматического почтения к высшим чинам. Достаточно сказать, что, если бы во главе ФБР по-прежнему стоял Дж. Эдгар Гувер, Фрэнк не продержался бы и двух недель.

Однако Фрэнк Делгадо имел результаты. С этим никто не спорил. Если он намеревался поймать преступника, то считайте, этот преступник уже пойман. За семнадцать лет службы в ФБР успехи Делгадо стали предметом зависти коллег.

Было, конечно, одно вопиющее исключение. Три раза он терпел поражение в преследовании разыскиваемого преступника. Три раза – одного и того же преступника. И с тем же результатом: спецагент Делгадо не мог его арестовать. Несколько месяцев назад в Чикаго во время недавней операции Делгадо снова упустил его. Агенту ФБР не хватило пары часов. Но преступника он все же упустил.

За исключением этого его послужной список был отличным, и Фрэнк пользовался настоящим уважением коллег. А к его не общепринятому поведению начальство относилось с определенной долей терпимости.

Так что для спецагента Фрэнка Делгадо было совершенно нормально войти в кабинет начальника без стука. Помимо своей репутации у Делгадо было достаточно опыта, чтобы это сошло ему с рук. Фактически ему самому предложили место его босса, но он отказался, говоря, что не любит бумажную работу. Занимающий эту должность человек, ответственный спецагент Дж. Б. Маклин, прекрасно знал, что Делгадо – первый кандидат на эту должность. Его это больше не волновало. Во всяком случае, не слишком.

Но Маклина немного разозлило, что Делгадо, не говоря ни слова, вошел и сел на стул напротив его стола. А потому он дочитал рапорт, над которым работал, подписал его и положил в контейнер для бумаг и только после этого, откинувшись на спинку кресла, обратил взор на Делгадо. Правда, Делгадо ничего не говорил. Просто сидел и смотрел на босса.

– В чем дело, Фрэнк? – наконец спросил Маклин.

– Райли Вулф, – ответил Делгадо.

– Нет! – вырвалось у Маклина.

Уже не впервые Делгадо просил возобновить слежку за Райли Вулфом. По мнению Маклина, Делгадо был болезненно одержим этим супервором. Особенно после того, как упустил его в Чикаго. Делгадо ничего не сказал и не выказал разочарования, но Маклин был уверен, что Делгадо злится, и догадывался, что именно по этой причине он отказался от должности начальника – хотел оставаться в деле, чтобы поймать Вулфа.

Лицо Делгадо ничего не выражало, но он покачал головой:

– Мне это необходимо.

– Зачем, Фрэнк? – спросил Маклин. – Или, ближе к делу, зачем сейчас?

– Я знаю, где он сейчас, – ответил Делгадо.

Маклин прищурился:

– Где?

– В Нью-Йорке, – с непроницаемым лицом отозвался Делгадо.

Маклин подождал, но ничего более не последовало.

– Есть какая-то более точная информация?

Делгадо лишь тряхнул головой:

– Нет.

– И только-то? – уставился на него Маклин. – Он в Нью-Йорке? В городе Нью-Йорке. Тебе известно, что он там с девятью миллионами других людей.

– Верно.

– Ради бога, Фрэнк, ты это серьезно? Ты даже не знаешь, как он выглядит. И ты думаешь, что сможешь найти его? В Нью-Йорке?

– Да.

Маклин пристально изучал агента-отщепенца. Делгадо был известен своим немногословием и невозмутимостью, и до какого-то момента это терпели. Но если он вознамерится в одиночку пуститься в очередную погоню за химерами, Маклину, как его боссу, понадобятся некоторые детали.

И разумеется, деталей у Делгадо не было.

– У тебя есть какие-нибудь зацепки, Фрэнк? – наконец спросил Маклин. – Кто-то видел его на Таймс-сквер? Или на океанском катере, направляющемся в портовое управление? Он постился в Facebook? Что-то в этом роде?

– Нет, – ответил Делгадо.

– Ладно, сдаюсь, – вздохнул Маклин. – Откуда ты знаешь, что он в Нью-Йорке?

– Должен быть, – сказал Делгадо.

– Конечно, это работает. Он должен быть там. И ты сможешь найти его среди девяти миллионов людей в Нью-Йорке, – с примесью сарказма произнес Маклин. – Потому что ты наполовину бассет-хаунд и наполовину Шерлок Холмс?

Делгадо проигнорировал насмешку.

– Я могу его найти, потому что знаю, за чем он охотится.

– Знаешь, за чем он охотится, – с ноткой недоверия повторил Маклин.

– Да.

– Ладно, – вздохнул Маклин. – И что это такое?

– Драгоценности короны Ирана. В музее Эберхардта.

– Господи Иисусе! – выдохнул шокированный Маклин. Если случится что-то, угрожающее драгоценностям короны, пока они в Штатах, это может повлечь за собой огромные международные осложнения. И если за ними охотится Райли Вулф, то, безусловно, необходимо поручить кому-нибудь остановить его. – И ты знаешь, *как* он это сделает?

– Я знаю Райли Вулфа.

Маклин опять стал ждать дополнительной информации, и ее опять не было. Он в растерянности развел руками:

– И это все? Ты считаешь, он попытается, потому что ты знаешь его?

– Да, – кивнул Делгадо.

Маклин взглянул на Делгадо, снова вздохнул и откинулся на спинку кресла, сплетя руки за головой.

– Фрэнк, даже если ты прав, а я тебе не верю, по крайней мере без доказательств... Если ты прав, то почему считаешь, что на этот раз можешь поймать его?

Делгадо тоже вздохнул, что было наивысшим проявлением эмоций, какое довелось видеть Маклину.

– Я провалился, потому что не знал его достаточно хорошо.

– Ты только что сказал, что хорошо его знаешь.

Делгадо тряхнул головой.

– Недостаточно хорошо, – уточнил он. – А иначе я поймал бы его.

– И ты рассчитываешь каким-то образом узнать его получше?

– Да.

– Но ты уже знаешь его достаточно хорошо, чтобы понять, что он охотится за драгоценностями короны, – сказал Маклин, слишком быстро барабанил ручкой по столу.

– Это легко. Я знаю, *что* он собирается сделать, но, для того чтобы поймать его, мне надо знать *зачем*.

– Что-то помимо нескольких миллиардов долларов? – сухо поинтересовался Маклин.

Делгадо лишь кивнул:

– Что-то с ним случилось. Что-то развернуло его в этом направлении. Узнав, что это, я найду его слабую сторону.

Маклин облокотился на стол и потер переносицу в основном для того, чтобы получить минуту на размышление. Ему было ясно: Делгадо немного свихнулся на почве Райли Вулфа. По сути, это было уже почти на грани безумия. Но в отношении спецагента Делгадо с его талантом и способностями требовался определенный такт, и Маклин при необходимости мог быть весьма дипломатичным.

– Фрэнк, – начал он после паузы, – ты ведь прочел биографические сведения о Вулфе?

Делгадо пожал плечами:

– Они в основном неверные.

Маклин сдержался, чтобы не сказать лишнего, глубоко вдохнул и выдохнул.

– Ладно, хорошо, самые лучшие специалисты ошибаются, а ты вот прав. Но, Фрэнк, драгоценности короны? Ты знаешь, какие жесткие меры безопасности будут приняты в музее Эберхардта?

– Да, – ответил Делгадо.

– Они используют некоторые технологии безопасности прямо из лабораторий Министерства обороны. И они наняли спецназовцев из «Блэк хэт» в качестве круглосуточной охраны. Эти молодцы безжалостны.

– Знаю, – отозвался Делгадо.

– Помимо этого иранское правительство предпринимает собственные меры, ВКЛЮЧАЯ, – погрозив пальцем Делгадо, сказал Маклин, – целый взвод стражей исламской революции. А на фоне этих подонков наши подонки выглядят как ручные котята.

– Понятно.

– Музей Эберхардта будет находиться под постоянным наблюдением с привлечением всех известных электронных устройств, а также человеческих ресурсов, – продолжал Маклин. – И ты думаешь, Райли Вулф попытается все это обойти?

– Я знаю, что он намерен попытаться, – ответил Делгадо.

– Черт побери, Фрэнк! – не выдержал Маклин, качнувшись вперед в кресле. – Это невозможно!

Делгадо просто кивнул, на этот раз дважды:

– Именно поэтому он должен попытаться.

Маклин чувствовал, что теряет самообладание. То, как Делгадо сидел напротив с каменным лицом, такой самоуверенный, вывело бы из себя даже мать Терезу. Однако Маклин снова глубоко вдохнул и откинулся на спинку кресла.

– При очень небольшой вероятности, что ты прав и Райли Вулф обманет непобедимую военную электронику, обойдет кучу отчаянных наемных головорезов и каким-то образом выберется с драгоценностями, как именно ты планируешь остановить его?

– Не знаю, – ответил Делгадо.

– Что ж, офигенно здорово! – проворчал Маклин.

Не дав ему сказать что-то еще, Делгадо открыл папку и подтолкнул ее к Маклину:

– Смотри. Первый арест, шестнадцать лет.

– Ладно, ну и что?

– До ареста данных о Райли Вулфе нет, – сказал Делгадо и, когда Маклин нахмурился, очень терпеливо добавил: – Райли Вулф – не его настоящее имя.

Продолжая хмуриться, Маклин оттолкнул от себя папку и, откинувшись на спинку кресла, скрестил руки на груди.

– Какое это имеет значение?

Брови Делгадо дернулись, словно он пытался скрыть раздражение.

– Это ключ к пониманию его личности. Зачем он поменял имя, данное ему при рождении, и почему поменял на Райли Вулф? Что для него значат эти два имени? – Нахмурившись, Делгадо развел руками – для него невероятное проявление эмоций. – Если я узнаю его настоящее имя, то узнаю его настоящую историю, – просто сказал он. – А узнав его настоящую историю, я узнаю, зачем ему надо было стать Райли Вулфом и совершать невозможные вещи.

Маклин покачал головой. Это была самая длинная речь, услышанная им от Делгадо, но ее было недостаточно.

– И что ты хочешь сделать? Отследить настоящее имя Вулфа? Чтобы поймать его, до того как он украдет драгоценности короны?

– Да, – ответил Делгадо, безучастно посмотрев на Маклина.

Маклин встретился с ним взглядом и стал кусать губы. В конце концов, Делгадо говорит не полную чушь. Но это все же не эффективное использование времени старшего агента. Будучи совершенно честным с собой, Маклин признавался, что не в состоянии придумать, каким образом изложить это в своем докладе заместителю руководителя, и что для него это чересчур важно. Маклин сам хотел когда-нибудь стать заместителем руководителя. У Делгадо действительно ничего нет для подтверждения своей догадки, что якобы Вулф собирается достичь невыполнимой цели и что остановить его можно, выяснив его предысторию.

– Помоги мне, Фрэнк. Дай что-нибудь осязаемое. Хоть что-то, пусть даже анонимную подсказку, – подняв бровь, сказал Маклин. Другой агент понял бы этот намек и, наверное, сочинил бы что-нибудь, чтобы оправдать свою миссию. Делгадо хранил молчание. – И ты действительно думаешь, что можешь остановить его, узнав его настоящее имя? – спросил Маклин.

– Это единственный путь, – произнес Делгадо без тени сомнения.

Маклин лишь покачал головой:

– Даже без единой крошечной зацепки или подсказки, даже если это идет вразрез со сведениями от наших специалистов, ты хочешь отправиться в какую-то чертову одиссею на поиски настоящего Райли Вулфа. Потому что твердо уверен, что это способ поймать его.

Делгадо подвигал головой вверх-вниз на полдюйма.

– В этом нет ни малейшего сомнения.

– Нет, – сказал Маклин. – Без каких-либо данных для подтверждения? Нет. Я не могу обосновать человеко-часы или расходы.

Лицо Делгадо по-прежнему ничего не выражало. Он лишь посмотрел на Маклина долгим взглядом, отчего тому стало не по себе. Потом, кивнув, поднялся:

– Я понимаю.

– Хорошо, спасибо тебе, Фрэнк, – с удивлением и облегчением произнес Маклин.

– У меня накопилось шесть недель отпуска. Я возьму его начиная с завтрашнего дня. – И Делгадо повернулся, чтобы уйти.

– Что? Подожди! Черт побери, Фрэнк! – воскликнул Маклин.

Но дверь кабинета уже закрылась, Делгадо ушел.

Покачав головой, Маклин глубоко вдохнул.

– Черт побери! – снова повторил он.

Потом снял с подставки следующую папку и вернулся к работе.

* * *

Наступил серый рассвет, и над сельской Виргинией заморосил мелкий дождь. Фрэнк Делгадо почти этого не замечал. Он встал задолго до восхода солнца и еще до того, как на небе показались первые тусклые проблески света, успел принять душ, побриться и позавтракать. И потом, отдавая дань своему происхождению, выпил вторую чашку кубинского кофе, после чего направился к двери.

Он бодро прошел по дорожке и бросил багаж на заднее сиденье своего автомобиля, восьмилетнего «юкона». Багажа было немного: небольшой чемодан, ноутбук и портфель. Закрыв дверцу, Делгадо сел за руль, а на сиденье рядом с собой положил папку. Там были копии, но все же формально он нарушал правила, поскольку пользовался ими в нерабочее время. Именно такие правила он собирался нарушать регулярно, и его не волновали последствия. Если он добьется успеха, то ему простят все. В особенности потому, что Райли, очевидно, убил в Чикаго миллионера из биг фармы. От больших денег всегда бывают большие волны.

Делгадо открыл папку и вновь просмотрел первую страницу. Арест за кражу со взломом, первая официальная регистрация существования Райли Вулфа, произошел в Сиракьюсе, штат Нью-Йорк. Делгадо был немного знаком с этим городом, и он ему особо не нравился. Но это была его отправная точка. И у него было ощущение, что он не пробудет в Сиракьюсе долго. Интуиция подсказывала ему, что Райли Вулф в свое время приехал в Сиракьюс за желанной добычей и что его след приведет из этого городка в более важное место, возможно даже в родной город Райли.

Делгадо мог бы позвонить копам из Сиракьюса или послать им имейл. Но ему нужны были не только голые факты. Он хотел обследовать территорию, по которой ходил Райли, чтобы почуять истинный запах этого ускользающего преступника. Ему необходимо было покопаться в местах, где сформировался Райли Вулф. А значит, он побывает в этих местах, найдет знавших Райли людей, поговорит с ними наедине. Это был единственный способ получить точное представление о Райли.

Итак, он поедет в Сиракьюс, несмотря на то что город ему не нравится. Самое главное состояло в том, чтобы найти ключ к психологии такого опытного преступника. Ради этого Делгадо отправится куда угодно. И у него есть шесть недель для выполнения задачи.

Спецагент Фрэнк Делгадо кивнул. Он знал свои сильные стороны, и одной из них был терпеливый поиск решения. Шести недель должно хватить. Он закрыл папку и завел машину. Потом выехал по подъездной дорожке на шоссе на поиски Райли Вулфа.

Глава 8

Майкл Хобсон был одним из ведущих юристов по корпоративному праву в Нью-Йорке. У него была практика, которая требовала минимум двенадцати часов в сутки. Помимо этого, как большинство богатых и влиятельных людей, Майкл состоял также во многих советах директоров. Поэтому он участвовал в собраниях, конференциях, изучал дела – и все это не оставляло у него ни минуты свободного времени. Он был настолько занят, что почти не мог отвлекаться на что-то другое, включая, к примеру, мысли о собственной жене. И можно понять его раздражение, когда секретарша сообщила по телефону, что с ним ожидает встречи некий мистер Фицзер из КЦББ⁴. Майкл целых три секунды смотрел в огромное застекленное окно, занимающее всю заднюю стену его кабинета на пятьдесят втором этаже, отделанного панелями из красного дерева, раздумывая, стоит ли сказать посетителю, чтобы записался на прием и пришел в другой раз.

На все ушло три секунды. Человеку вроде Майкла Хобсона не нужны были проблемы с КЦББ. К тому же эти чиновники профессиональны, умны, компетентны и не станут попусту занимать его время, поэтому он сказал секретарше:

– Пригласите его.

После чего повернулся во вращающемся кресле лицом к двери.

Вошедший через секунду мужчина был настоящим олицетворением молодого энергичного юриста. Среднего роста, подтянутый, с каштановыми волосами средней длины и слуховым аппаратом в левом ухе. У него были очки без оправы и модная щетина на подбородке, а костюм хотя и хороший, но без показного шика. Быстро войдя, он протянул Майклу руку:

– Мистер Хобсон? Я Билл Фицзер из правоохранительного подразделения КЦББ.

Его пожатие было крепким, но кратким. Майкл указал ему на кресло.

– А я и не знал, Билл, что вы из правоохранительного подразделения, – заметил он.

– Это так, – с вежливой улыбкой ответил Фицзер. – Боюсь, преступление в наше время – это нечто вроде главной страсти.

– В частной практике платят лучше, – прощупывая почву, сказал Хобсон. – И это, безусловно, дало бы вам достаточно материалов по преступлениям.

– Не сомневаюсь, вы правы, – отозвался Фицзер. – По сути, именно об этом я и хочу с вами поговорить.

Хобсон моментально насторожился:

– Неужели? Возникли проблемы с... одним из моих клиентов?

Фицзер улыбнулся ничего не значащей улыбкой профессионала:

– Уверен, ничего серьезного, мистер Хобсон. Вероятно, излишняя осторожность. Но если мне будет позволено занять несколько минут вашего времени, я хотел бы задать некоторые вопросы относительно Элмора Фитча.

– Элмор Фитч фактически не мой клиент.

– Возможно, нет. Но это в основном для биографических данных. И полагаю, за последние два года у вас были дела с мистером Фитчем?

– У кого их не было? – криво усмехнулся Майкл. – Элмор тут повсюду. Его невозможно избежать, если хочешь, чтобы в городе что-то делалось.

Кивнув, Фицзер открыл свой кожаный дипломат.

– Мы об этом слышаны, – сказал он, после чего достал маленький, но сложный с виду цифровой диктофон и поставил его на стол рядом с Майклом.

Майкл поднял бровь:

⁴ КЦББ – Комиссии по ценным бумагам и биржам.

– Вот как? Будете записывать?

Фицзер кивнул:

– Это гарантирует точность и позволит мне сконцентрироваться на вопросах. Вы возражаете против записи, мистер Хобсон? Уверяю, это никоим образом не будет использовано против вас и содержание не выйдет за пределы нашей организации.

Майкл помедлил. Мысль о записи раздражала его, он сам не знал почему. И поскольку в этом был смысл, возразить он не мог.

– Пусть будет запись, – произнес он, затем бросил многозначительный взгляд на настенные часы справа от себя. – Давайте приступим, Билл.

– Отлично! – Фицзер, наклонившись вперед, нажал на кнопку «Запись», назвал свою фамилию, фамилию Майкла и дату, а потом пододвинул диктофон к Майклу. – Для начала я хотел бы задать несколько вопросов относительно корпоративной структуры мистера Элмора Фитча. Полагаю, вы состоите в совете директоров одной из его компаний?

– Фактически двух, – ответил Майкл.

– Попрошу вас озвучить названия этих компаний и сказать, как долго вы были директором – о-о, черт возьми! – Схватив свой слуховой аппарат, Фицзер выдернул его из уха, и Майкл услышал громкий пронзительный звук, исходивший из штуковины. С минуту повозившись с ней, Фицзер пробубнил: – Черт побери! – и засунул аппарат в карман.

– Проблемы? – спросил Майкл; Фицзер не ответил, тогда Майкл, улыбнувшись, произнес громче: – Есть проблемы?

– Батарейка села. Извините, ее должно было хватить еще на день, но... – Он пожал плечами. – Я практически глухой без аппарата. Самодельное взрывное устройство в Афганистане... Придется положиться на эту штуку. И возможно, просить вас повторять один или два раза. – Он поднял брови. Майкл развел руками, как бы говоря: ну что тут поделаешь? Фицзер кивнул. – Простите за доставленное неудобство. Продолжим?

Фицзер сразу включился в разговор, выпрашивая имена, даты и подробности, задавая Майклу все более сложные вопросы относительно Элмора Фитча и его корпоративных маневров и побуждая Майкла давать более пространные и подробные ответы. Фицзер был умелым следователем, но по временам резким, даже агрессивным. Имея слабый слух, он просил Майкла повторять ответы больше чем «один или два раза», как обещал. И по мере того как вопросы становились более агрессивными, а просьба повторить ответ звучала чаще, Майкл стал ловить себя на том, что теряет терпение. Когда Фицзер спросил об одном из самых неприглядных принудительных слияний Элмора, Майкл готов был сорваться.

– Что вы посоветовали мистеру Фитчу по поводу этого слияния как адвокат? – спросил Фицзер.

– Я посоветовал ему выйти из сделки, – стиснув зубы, ответил Майкл.

– Что сделать? – склонив голову набок, повторил вопрос Фицзер.

– Выйти. Из. Сделки, – чуть не рыча, сказал Майкл.

Фицзер покачал головой:

– Простите?

– Выйти! – прокричал Майкл. – Я сказал ему: выйти! из сделки!

– А-а. Понятно, – промычал Фицзер.

Взглянув на ноутбук, он приступил к следующей серии вопросов. Он продолжал давить, подгонять, подходя к предмету с разных углов, так что, помимо всего остального, Майкл не мог уразуметь, какую цель преследует Фицзер. Это было похоже на умышленное запутывание, и хотя Майкл, будучи сам юристом, восхищался техникой, он никак не мог догадаться, чего добивается Фицзер.

И после двадцати минут допроса Майкл так и не понял этого и был очень рад, когда Фицзер удалился.

Когда за следователем КЦББ закрылась дверь, Майкл глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. Взглянув на настенные часы, он выругался:

– Черт!

Оставалось полтора часа до отъезда в аэропорт, откуда он должен был лететь в Цюрих. Поэтому он выкинул Фицзера вместе с КЦББ из головы, открыл папку и вернулся к работе.

* * *

Следователи КЦББ не передвигаются паркурком. Поэтому я возвращался в Уильямсберг на поезде. Всю дорогу мне пришлось стоять, держась за ремешок, словно я просто обычный старый мудак в костюме. Я позволил придуркам толкать меня и наступать мне на ноги, потому что именно это сделал бы человек, носящий такой костюм. И как это ни смешно, я особенно не возражал. Поскольку последний подготовительный этап был пройден и я готов к Главному Событию. Или, во всяком случае, я готовился к тому, чтобы быть готовым. Итак, когда я вернулся в свою захудалую комнатуху, то сразу приступил к этому.

Члены клуба «Сьерра» любят говорить: не оставляй после себя ничего, кроме следов. Для меня это недостаточно хорошо. Следы несут на себе ДНК. Так что если я оставлю следы, то меня поймут и я – покойник. Поэтому Четвертое Правило Райли гласит: не оставляй после себя ничего. Приберись после себя, как если бы от этого зависела твоя жизнь, потому что она и в самом деле зависит.

Я не возражаю. Я с детских лет занимался уборкой. Пока моя мама не начала разваливаться на части, она была фанатиком чистоты. Она подметала, вытирала все тряпкой, оттирала, а заодно учила и меня таким вещам. Я слушался, я все освоил. Не потому, что меня так уж заботила чистота, а потому что она заботила маму. Я скреб полы, потому что для нее это было важно.

Мама не была в моей паршивой комнатухе в Уильямсберге. И никогда ее не увидит. Вероятно, она ничего уже больше не увидит. Как бы то ни было, я, стоя на коленях, продолжал скрести пол. Я оттирал каждый дюйм пола хорошей жесткой щеткой, используя сильнейшее чистящее средство. Точно так же, как я уже отмыл стены, дверь, буквально все в этой комнате. Я закончил на двери, чтобы можно было выйти и вынести в проулок ведро. Я выбросил в мусорный контейнер щетку и все приспособления для уборки и вернулся в комнату.

С минуту я постоял в дверном проеме, оглядывая комнату. За исключением одного складного стула, мебели там уже не было. Вешалка с одеждой была сдана на хранение в Джерси-Сити. Я оставил только один костюм. Он был накинут сейчас на спинку стула. Стул я придвинул к двери, на которой висело продолговатое зеркало. Я помыл его тоже, но это мало помогло, поскольку зеркало было обветшавшее, как и сама комната. На полу рядом со стулом стояли небольшой чемодан и черный кожаный кейс «Поло».

Я внимательно осмотрел все кругом – не забыл ли чего. Ничего. Комната была чистой. Настолько чистой, что даже мама была бы довольна. Все поверхности, на которых мог остаться отпечаток пальца или след ДНК, я вычистил карболовой кислотой, а затем промышленным чистящим средством. Когда я закончу, здесь не должно остаться ни одного признака моего присутствия. Только то, что эта жалкая комнатенка станет чище, чем когда бы то ни было.

Убедившись, что ничего не забыл, я вошел в комнату, запер дверь и приступил к следующему этапу. Последнему этапу. Поскольку все прочее было сделано. Все фигуры в игре. Все готово к исполнению, вся блестящая схема, за исключением одной вещи.

Меня.

Я разделся, сложил одежду в мусорный пакет и как мог умылся над ржавой маленькой раковиной. Вытершись полотенцем, я побрился перед потрескавшимся зеркалом, висящим над

раковиной на гвозде. Потом я тщательно вымыл раковину и положил мыло, полотенце, бритву и все прочее в тот же мусорный пакет, после чего подошел к большому зеркалу.

Перед тем как облачиться в костюм и подходящие к нему черные ботинки, я достал из кейса МРЗ-плеер и нажал на нем кнопку «Играть». «All Eyes on Me» Тупака Шакура. Потом я открыл небольшой чемодан, повернулся к зеркалу и приступил к работе над Собой.

Любой профессионал перед началом работы выполняет ритуалы. Да, конечно. По крайней мере, какое-то время я занимался многими разными вещами. Знаете, в качестве маскировки моей настоящей работы. Профи каждый раз делают одни и те же вещи, на первый взгляд бессмысленные и не имеющие отношения к основной работе. Вероятно, они не признаются, но поступают так наудачу. Поскольку не верят, что дело выгорит, если они пренебрегут подобными мелочами. Потому и делают некоторые суеверные вещи, так как делали это в прошлый раз и еще перед этим. Я тоже.

Уборка не является частью ритуала. Это всего-навсего осторожность. Если я оставлю после себя хотя бы крошечный след, то кто-нибудь сможет вычислить, кто я такой. Ритуалы начинаются после уборки.

Музыка – первый из них. Каждый раз один и тот же плей-лист. Если подготовка занимает много времени, плей-лист повторяется.

Включив музыку, я перешел ко второму шагу: зеркалу. Несколько минут я лишь рассматривал свое лицо и слушал Тупака. Получив идеальное представление о себе самом, я начинаю превращаться в кого-то другого.

Продельвая все это, я уже менялся с полдюжины раз. На сей раз все было по-настоящему. На сей раз все должно быть лучше и должно какое-то время продлиться. Непонятно было, насколько долго, так что мне предстояло сотворить кого-то, кто продержится какое-то время. У меня были инструменты. Я провел исследование этого Нового Меня и выполнил творческую часть работы. Заполнил пробелы – типа того, откуда я, имена моих родителей, мой колледж и все прочее дерьмо. И я достал все документы, подтверждающие это: водительские права, паспорт, карточку социального страхования и прочее. Наверняка вы удивитесь, узнав, насколько легко получить всю эту фигню. И если вы готовы заплатить, то документы будут весьма качественными и никто не заподозрит, что на самом деле это не вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.